

Ольга Вечная

Сопrotивляйся мне

<https://litres.ru/74267919>

Аннотация

Добавлен БУКТРЕЙЛЕР! - Вы предлагаете мне услугу, а взамен я должен?... - приподнимаю брови. - Ты не ослышался, Владимир. Жениться на моей дочери. - А если она не захочет? - Ее никто не спрашивает, что она там хочет, - фыркает будущий тесть. - Сделает, как велено. - Если будет сопротивляться? Артём Фёдорович придвигается ближе и спрашивает вкрадчиво: - А что, по-твоему, нужно делать с сопротивлением? Выдерживаю взгляд собеседника и, прищурившись, чеканю: - Жестко подавлять.

Мой отец меня продал. В двадцать первом веке, в правовом государстве. И никто ему за это ничего не сделал. И не сделает.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	86
Глава 13	95
Глава 14	100
Глава 15	106
Глава 16	113
Глава 17	122
Глава 18	132
Глава 19	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Пролог

- Вы предлагаете мне услугу и... эм, скажем, помощь, а взамен я должен помимо всего прочего?... - приподнимаю брови.

- Ты не ослышался, Владимир. Жениться на моей дочери. Первая мысль: Гловач хочет, чтобы я спал с его дочерью. И мы сейчас спокойно это обсуждаем.

В кабинете повисла испытывающая тишина. Странность ситуации зашкаливает, стены давят. При мысли об альтернативе неприятно щекочет под ложечкой. Но деваться некуда. В последний раз я видел Анжелику десятилетней девочкой. С тех пор прошло одиннадцать лет.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я всё жду, не рассмеется ли он. Но Гловач лишь хмурится.

- Хорошо, - делаю над собой усилие и соглашаюсь. - А если она не захочет?

- Ее никто не спрашивает, что она там хочет, - фыркает мой будущий тесть. - Сделает, как велено.

- Если будет сопротивляться? - склоняю голову набок. Артём Фёдорович придвигается ближе и спрашивает вкрадчиво:

- А что, по-твоему, нужно делать с сопротивлением? Выдерживаю взгляд собеседника и, прищурившись, чекаю:

- Жестко подавлять.

Секунду мы молчим, затем Артём Фёдорович ощутимо расслабляется и удовлетворенно улыбается:

- Узнаю Дымарского. Ты очень похож на своего отца, Владимир. Приятно посмотреть.

- Я ему передам ваши лестные слова.

- Вместе с приглашением на свадьбу. Дату можешь выбрать любую.

- Я предоставляю это право невесте.

- Как угодно.

- Теперь я могу идти?

Новоиспеченный родственник кивает, и я поднимаюсь с места. Направляюсь к двери, затем по коридору к выходу. Никто меня не задерживает.

Холодный зимний воздух отрезвляет и проясняет мысли. Минуту назад я заключил самую странную сделку в своей жизни.

Гловач... Интересный персонаж. Он полностью развязал мне руки в отношении своей родной дочери. На его месте, после случившегося, я доверял бы мне значительно меньше.

Сажусь в машину, откидываюсь на сиденье. Барабаню пальцами по рулю, прокручивая в голове недавний разговор. Я запомнил его полностью, слово в слово. Прикуриваю. А потом поспешно достаю мобильный и открываю популярную социальную сеть. Ну что ж, посмотрим, какую корову... э-м-м, телочку я сегодня выторговал в личное пользование. И

стоит ли она приложенных усилий.

Глава 1

Лица

Стойкая тушь, которую мне подсунула Саша сегодня утром, просто супер! Слезы текут по щекам, а макияжу хоть бы что. Я спросила у подружки шепотом, когда та обняла меня сразу после награждения:

- Косметика не размазалась?

- Идеально! Милая, ты лучшая! - шепчет Саша мне на ухо.

Потом обхватывает мои плечи, придирчиво оглядывает лицо. - Самая красивая, самая-самая! Не зря я просидела два часа на форуме визажистов. Всего-то нужно было определить тип твоего лица, цветотип, форму глаз. Учесть фасон платья и... а, ладно! Это мелочи. Ты прекрасна. Только не забывайся.

Мы обе смотрим в зал и тонем в новом взрыве аплодисментов. Я поправляю корону на голове, всё боюсь, что она свалится.

Победа в конкурсе красоты «Мисс Грация Университета» — вовсе не та победа, о которой я мечтала. Вообще-то я будущий программист, и корона со сверкающими камнями на голове... скажем, не совсем та цель, к которой я стремилась, подавая документы в технический вуз. Но это моя первая значительная победа в жизни, и мне приятно.

Так приятно, что я разрыдалась на сцене, как какая-ни-

будь глупышка! На нашем факультете прикладной информатики девчонок учится мало, но конкурс проводился среди всего универа. Впервые титул вырвали из наманикюренных пальчиков эконома!

- Марта ревет навзрыд, - шепчет мне Саша.

- И точно не от радости, - изгибаю бровь я.

Марта — девица крайне отталкивающая и подлая. У всех, кто обладает хотя бы зачатками интеллекта, в этом нет ни малейшего сомнения. Во всем идеальная аж до тошноты. Но то ладно, бывает. Марта из тех, кто не упустит случая унижить более слабого и робкого. А как она издевается над нашими мальчишками! Над Колей Сурковым, например. Он за нее курсовую написал от и до, она даже спасибо не сказала. Да какое там! Унизила его перед всем потоком, опубликовав их переписку в инстаграме. Пост за два дня набрал несколько сотен лайков. Свобода слова — это, конечно, хорошо. Но ровно до того момента, пока обидные слова не будут написаны про вашу персону.

Поэтому, как только мы узнали, что для Марты этот конкурс имеет огромное значение, решили, шутки ради, ее обойти.

Да-да, дорогая Марта, не все мечты сбываются.

Я забираю цветы, подарки. Сваливаю их в кучу за кулисами. Домой принести всё равно не могу, поэтому не пытаюсь даже рассматривать. Затем мы с Сашей спешим на выход из актового зала. На банкет оставаться нет ни малейшего

желания. Я в этот конкурс-то ввязалась исключительно из-за чувства противоречия и жажды справедливости. Знаю, что красивая. Но в моем случае красота — это не повод для радости. Я родом из крошечного городка, ни на одной карте страны вы его не найдете. Посылку домой однажды отправляла, так на почте спросили: «Это вообще Россия?»

В нашем городе до сих пор царят свои собственные правила и нравственные нормы, а я не тот человек, который может пойти против системы. Я уехала учиться с мечтой никогда не вернуться обратно. А для этого мне нужны знания и профессия, а не сверкающая корона.

В нашей семье место женщины у плиты и колыбели. Нам положено молчать и соглашаться. Украшать фотографии робкой улыбкой. Мы мало что умеем, практически ни на что не влияем. Больше слушаем, а если обсуждаем проблемы — то украдкой и шепотом. Раньше я думала, что подобным образом живут все. А в сериалах по телевизору показывают выдумки и гризеток.

Гризетками во Франции звали девушек легкомысленного поведения и легких нравов. Это слово часто употребляет мой отец, вкладывая в него значение «проститутка». Оно в нашей семье ругательное.

Чудо, что папа согласился отправить меня на учебу в Москву! За эти два с половиной года я стала намного смелее и увереннее в себе. Почти научилась смотреть мужчинам в глаза, и даже первой заводить разговор. Правда, пока только

с безопасными во всех смыслах одноклассниками.

Мы с Сашей забегаем в туалет. Я быстро переодеваюсь из бального платья в джинсы и свитер. Стягиваю копну пушистых волос на затылке, тщательно умываюсь. Прячу одежду для конкурса в рюкзак.

- Ну что, поехали ко мне? - предлагаю Саше. - Посмотрим сериал?

- Не-е-т, Ликанище, мне с английским посидеть надо. Экзамен через месяц.

Саша готовится к IELTS и жутко переживает.

- Перед смертью не надышишься, - справедливо подмечаю я, искушая ее бездельем.

- У меня по этому поводу другое мнение. Не обижайся, я и так столько сил потратила на этот глупый конкурс! - Саша закатывает глаза. Она наша староста, очень умная девушка. Моя самая близкая подруга в Москве. Мы с Саней те еще ботаники, если уж честно.

Ее совершенно не интересуют клубы, парни и прочее в этом духе. Единственная любовь Саши — это математика. И аниме. Да, две любви. Я живу с бабушкой, которая строго контролирует всю мою жизнь и докладывает отцу о каждом моем шаге. А отца я боюсь больше всего на свете. В Москву я приехала учиться, а не за глупостями.

- Ну хорошо. Если передумаешь — пиши.

- Нет, ты видела лицо Марты? - Саша ее умело пародирует, втягивая щеки и приподнимаясь на носочки, и мы взры-

ваемся хохотом.

В этот момент дверь распахивается и в тамбур заходят Марта с подружками. Мы все замираем и смотрим друг на друга.

- О, а вот и почетное второе место! - спохватываюсь я. - Поздравляю, Марта. Ты прекрасно держалась, - делаю шаг навстречу девушке и тяну руку.

Обычно та позволяет себе отвесить какой-нибудь уничижительный комментарий по поводу моего неброского стиля в одежде, но в этот раз отворачивается и уходит. А мы с Сашей продолжаем смеяться.

- Бабушка, привет! - весело здороваюсь я. Захожу в квартиру и бросаю сумку у порога. Устала. Кроме того, чувствую себя взбудораженной и опустошенной после сцены. Оказывается, столь сильное внимание крайне утомительно. - Эй, вы дома?

- Я в комнате смотрю сериал, - отзывается Виолетта Степановна. Говорит медленно. Она всегда растягивает слова, произносит их почти по слогам. - Не кричи так сильно, у меня уши закладывает. У тебя всё хорошо, Анжелика?

- Да, замечательно! - говорю я несколько тише. Разуваюсь и спешу мыть руки, затем к холодильнику. Страшно голодная. А еще глаза устали от линз, хочется их, наконец, снять и надеть очки.

По пути я позвонила маме и рассказала о победе в кон-

курсе. Отправила селфи, где стою покрашенная и в короне. С лентой, перекинутой через плечо по типу портупеи. Мама разделяет папины строгие взгляды, она тихая и скромная, но при этом всегда занимает мою сторону. Она порадовалась моей победе. Попросила не забывать об учебе, потому что никто даже не подозревает, какого колоссального труда ей стоило убедить отца отпустить меня в Москву. Он переживает, что я пойду по наклонной. Но лично я считаю, что стою на взлетной полосе. Движки моего воображаемого боннга набирают обороты, вот-вот моя жизнь пойдет на взлет!

Долго читаю перед сном, засыпаю около часа ночи. Утром просыпаюсь от будильника. По привычке первым делом тянусь к телефону и замираю. Десять пропущенных от отца и Любимой Маринки!

«Любимая Маринка» — так в телефоне записан мой парень Тарас. Необходимая конспирация. Я знаю, что бабушка любит пошариться в моем сотовом. И попробуй возмутись!

Я захожу в инстаграм и ахаю. Море отметок! Всюду фотографии с конкурса. Громкие заголовки: «На факультете прикладной информатики отыскалась безупречная жемчужина», «Самый красивый математик в городе», «Потрясающие кудряшки!»... Боже! Я и не знала, что нас так много снимали. После прошлой олимпиады по информатике, например, в сети не появилось ни одного нового блога. А Саша в ней заняла первое место!

Поначалу холодею от страха — отец узнает, Тарас узнает,

все узнают... позор! О чем я только думала?!

А потом меняю свое мнение. Фотографии замечательные! И я получилась практически на каждой. Волнистые волосы лежат превосходно, платье по фигуре. Ничего вульгарного или вызывающего. Улыбка милая, не натянутая. Вырез неглубокий.

Но, когда набираю номер отца, по-прежнему волнуясь. Мне вдруг становится дико страшно, что из-за моей дурацкой выходки отец заставит меня вернуться домой. И прощайте учеба и возможность самой зарабатывать. Ужас распускает свои влажные щупальца и поглаживает вдоль позвоночника. Боже, Колька Сурков мне даже не друг! Стоило ли отстаивать его поруганную честь столь высокой ценой?!

- Да? - слышу низкий голос отца. Моего папу в нашем городишке боятся все. И я — номер один в списке трусов.

- Папулечка, привет! - шепчу я. - Насчет этих фотографий... конкурса и всего прочего...

Папа молчит пару мгновений, а потом я слышу его голос и чувствую, как мои щеки начинают гореть. А сердце колотится. На разрыв. Отчаянно, как у загнанного зайчишки.

Саша зовет меня производным от Лики - Ликаном, что означает оборотень. Но если оборотни в книжках и кино сплошь волки да медведи, то я в любой волнительной ситуации превращаюсь в зайца. Пугливого и «вызывающего наименьшие опасения», как написано в Википедии.

Глава 2

- Доченька, какая же ты... - отец делает паузу.

Я не дышу.

- Папа, прости, - пишу в трубку. - Больше не повторится!

- Какая же ты красавица! Как на Веру-то похожа. Господи!

Вера — это папина младшая сестра, она умерла еще до моего рождения. Но все знают, что отец сестренку очень любил. Говорят, он стал таким черствым и бескомпромиссным именно после смерти Веры.

- Папа... ты не сердишься? Я не знала, что будет столько внимания. Подумала, дурацкий конкурс. Хотелось утереть нос Марте. Помнишь, я рассказывала про Марту? Она пытается унижать меня, утверждает, что я одеваюсь как старуха. Я не искала излишнего внимания. Я ж прошлую сессию закрыла на одни пятерки. И следующую закрою так же. Даже, наверное, досрочно. И домой приеду пораньше.

- Хорошо, Лика. Не сомневаюсь. А то, что развлеклась, - так ничего страшного! Девушки в нашей семье всегда славились исключительной красотой и талантами, - произносит он с гордостью. - Главное - не заиграться в эту опасную игру. О чем мы говорили?

- Я помню каждое твое слово, - быстро соглашаюсь. В детстве я, как и многие девочки, мечтала стать актрисой. Но отец категорично заявил, что актрисы и модели сплошь одни

гризетки. Я тогда не поняла, кто это такие, со мной никто никогда не обсуждал тему секса и прочего. Но уже в шесть лет я уяснила четко, что это слово имеет явно негативный оттенок. И пообещала себе, что лучше умру, чем стану девицей свободных нравов. Пожив в Москве среди современных людей, я, конечно, немного пересмотрела свои взгляды. Умирать больше не собираюсь.

Но и отказаться от убеждений, взращенных внутри годами, не так-то просто.

- Я не ожидал, - продолжает отец тем временем, - что моя дочка так быстро вырастет! Из папиного ангела станет настоящей красавицей!

- Мне уже двадцать один, пап, - смущаюсь я. - На следующей неделе. Спасибо! Мне очень приятны твои комплименты. Ты ведь знаешь, как много для меня значит твое одобрение.

У самой кожу покалывает от удовольствия. Получить открытую похвалу от Артёма Гловача — не кивок головы, не одобрительный взгляд, а добрые искренние слова — многого значит. Он мной гордится.

Мы разговариваем еще минуту, после чего отец торопливо сухо прощается. Он занимает высокую должность в прокуратуре, ему некогда болтать о пустяках. Последнее - женская прерогатива.

Женская так женская. Кто я такая, чтобы спорить? Киваю себе и снова утыкаюсь в инстаграм. Рассматриваю свои фо-

тографии, люблюсь. Неужели это всё я? Обычно я стесняюсь привлекать к себе лишнее внимание, но тут нужно было обойти Марту. И я из вредности улыбалась широко, двигалась свободно. На сцене будто второе дыхание открылось.

Тарасу не перезваниваю, потому что дома бабушка. При ней говорить опасно. Я плохо умею лгать, она сразу догадается, что на том конце провода никакая не Марина — моя близкая подруга. Мы с ней вместе закончили женскую гимназию. Сейчас она учится в колледже в нашем родном городе.

За завтраком болтаю с бабушкой о погоде. Ем омлет. А потом вдруг беру мобильный и помещаю на аватар в социальной сети фотографию с конкурса. На меня начинают подписываться незнакомые люди, ставить лайки, мне нравится следить за этим процессом.

- Да убери ты телефон! - ругается Виолетта Степановна. - И без того слепая, ничего не видишь в метре, еще и от экрана не отрываешься.

Я поправляю очки и быстро откладываю мобильный на стол подальше от себя. Опускаю глаза. Если бы мне было нечего делать, я бы добавила в Википедию запись о том, что главный антоним слова гризетка — это Виолетта Степановна. Женщина крайне строгих взглядов на жизнь. В молодости она отказала всем ухажерам и прожила жизнь девственницей, чем безмерно гордится. В день моего рождения она

взяла на себя ответственность блюсти мою честь, хотя никто ее, в общем-то, об этом не просил.

- Какие планы на день? - спрашивает бабушка, немного смягчившись.

- Учиться, - пожимаю плечами. - Если Саша сможет оторваться от своего английского, то сходим в кино.

На фильм с Генри. Саша его обожает. Наверное, это ее любовь номер три. Тайная, разумеется. «Ведьмака» мы пересмотрели четыре раза. Про супермена я вообще молчу.

- Ты бы тоже занялась английским, - наставляет бабуля. - Сейчас без языка никуда.

- Я занимаюсь. Я же программист.

- Техническим. А разговорный? Тебе следует больше времени уделять учебе. Выйдешь замуж, поедете с мужем в Париж или Мадрид. С кем ты там будешь говорить на техническом английском?

Тогда уж в Лондон мне нужно ехать, раз я английский буду учить.

Но в ответ послушно киваю. Сама хотела записаться на какие-нибудь курсы, но всё откладывала. Хорошая идея.

На телефон падает сообщение. Я бросаю взгляд на экран - «Любимая Маринка». Это Тарас. Очень хочется прочитать, но я решаю не вызывать гнев бабушки и спокойно доедаю омлет. В ванную комнату с телефоном в этом доме ходить не принято, поэтому, в общем-то, даже и спрятаться негде.

Я сажусь за стол заниматься, диктатор на диване за спиной. Берет вязание и увлекается процессом, но я знаю, что она периодически поглядывает в мою сторону. Мне очень хочется прочитать, что именно написал Тарас. Наверное, там комплимент. Но я тогда не удержусь и разулыбаюсь, и бабушка может догадаться.

О Тарасе не знает никто, кроме Марины. Даже Саша не в курсе, что я в отношениях. Она считает, что я никуда не хожу и ни с кем не флиртую, потому что мне не нужна любовь. На самом деле я просто храню верность.

Мой парень работает в автомастерской своего отца в нашем городишке, копит деньги. Мне осталось полтора года доучиться, потом он приедет и мы объявим о наших отношениях. Или сбежим. Будучи человеком взрослым и адекватным, с чисто технической точки зрения подобный фортель я себе представляю с трудом. Но, как юная мечтающая о любви девушка, которая к тому же в душе слегка идеалистка, если уж совсем честно, я люблю о нем думать. Украдкой. Перед сном. И в красках представлять себе, как всё может случиться.

В реальности отец, конечно, никогда не одобрит наши отношения. Тарас из простой небогатой семьи. Но ведь тот факт, что мы умудрились сохранить чувства, даже находясь в долгой разлуке, — говорит о многом. Тем более впереди еще целых полтора года, чтобы принять окончательное решение.

Когда бабушка поднимается и идет в ванную, я хватаю со-

товый и быстро снимаю блокировку. Читаю.

«Убери».

«Лица, фотографии удали! Это что за изврат?»

«Накрасилась как блть».

Краска ударяет в лицо. Я быстро удаляю сообщения. Маринка мне такое вряд ли напишет, поэтому оставлять нельзя. Поспешно откладываю сотовый, словно он кусок раскаленного металла. Даже папа похвалил, а Тарас...

Бабушка включает сериал, а я затыкаю уши наушниками, чтобы сосредоточиться на коде. Плачу беззвучно, только украдкой вытираю слезы ладонями.

Хорошо, что я сижу спиной к Виолетте Степановне. Она тетя моего отца и очень на него похожа. Мне кажется, она, когда вопросы задает, не в глаза смотрит, а в душу заглядывает. Нельзя допустить, чтобы она догадалась.

Тогда никакого мне больше доверия.

Никакой учебы.

Никакой Москвы.

Стараюсь держаться, хотя кажется, что земля уходит из-под ног. Зачем он так грубо со мной? Я разве заслужила?

Глава 3

Мне трудно отказывать людям.

Казалось бы, что в этом такого? Просто скажи «нет». Но голос куда-то пропадает, а горло словно удавкой стягивает. Отказывать нужно учиться.

Раньше как-то поводов не было, я жила с родителями, училась в женской гимназии, где все девочки были хороши-ми. Мы стремились помочь и угодить друг другу. В Москве же в первые дни жизнь столкнула меня с реальностью под именем Марта.

Внучка декана сразу села со мной за одну парту, и лишь к концу первой сессии я осознала, что она списывает у меня все домашки и контрольные. А на экзамене Марта обиделась, что я не подсказала ей, хотя у меня физически не было такой возможности.

К счастью, в то время мы уже сдружились с Сашей, и первая в моей жизни ссора с кем-либо прошла безболезненно.

- Саша, прочитай, - сую подруге телефон. Мы сидим за длинной деревянной партой в большой аудитории. Скоро начнется лекция, преподаватель немного опаздывает. Вокруг шумно, ребята с потока кучкуются и болтают.

- Почему ты не можешь просто ответить «мне не интересно»? - Саша принимает у меня телефон и читает простыню, которую я накатала очередному модельному агентству, при-

славшему мне в директ приглашение на кастинг.

После конкурса красоты все как с ума посходили.

- Невежливо. Люди же старались, изучали мои фотографии. Выбрали меня. А я им пару слов.

- Добрая ты душа, Ликан! - вздыхает Саша и хмурится.

- Вот честно. Если бы мне так отказали, я бы решила, что со мной кокетничают. И вновь проявила бы инициативу, но уже увереннее.

Я вздыхаю. Стираю все три абзаца текста и начинаю набирать вновь.

- Почему ты не напишешь честно?

- Что, если я соглашусь, мой отец меня выпорет до костей? - изгибаю бровь, в красках представляя реакцию папы на мои фотографии на каком-нибудь плакате.

Тогда Саша выхватывает из моих рук мобильный, пишет: «Спасибо, мне не интересно». Ставит в конце точку и отправляет.

В ответ приходит: «Если передумаете, то позвоните по этому номеру».

- Поклонники одолевают? - спрашивает проходящая мимо Марта. - Как сороки, летят на блеск короны. Надень ее хоть на кого, тот же эффект будет.

- Модельные агентства, - отвечаю я. - А тебя нет? Второе место не котируется? Не знала, - пожимаю плечами.

- Меня тоже одолевают, - говорит в ответ Марта, но мы с Сашей уже не слушаем.

Я поправляю очки и массирую переносицу. На телефон падает новое сообщение. На этот раз от Любимой Маринки. Вздыхаю. Уже месяц мы с Тарасом не разговариваем, я крепко обиделась. И дело не в том, что он потребовал удалить фотографии. Наверное, мне и правда не стоило вести себя настолько вызывающе. Он ревнует. Но он мог бы преподнести свою мысль иначе.

Тарас одолевает меня звонками и завуалированными сообщениями. Конспирация по-прежнему у нас на первом месте.

Он утверждает, что не обзывал меня матерным словом, мне будто бы показалось. А я так быстро удалила те неприятные сообщения, что теперь уже и сама не уверена. Может, придумала себе? Это первая наша ссора за четыре года. Фотографии я действительно удалила, застеснявшись. Слишком много внимания от незнакомых людей, непривычно. В директ стали писать незнакомые мужчины, это показалось чересчур. А что они пишут под моими фотографиями в блогах, лучше вообще не читать! Со стыда сгореть можно.

Заходит преподаватель, его строгий голос вырывает меня из размышлений. Я сосредотачиваюсь на лекции, пишу торпливо конспект. Мы с Сашей сидим на первой парте, чтобы не упустить ни единого слова.

Когда через три часа я выхожу из корпуса, то замираю в счастливой панике. Тарас! Собственной персоной! С букетом цветов. В Москве!

Стоит поодаль, смотрит на меня и улыбается. Брови вместе свел, раскаивается. Покорно ждет, когда я его замечу. Конечно, замечу! Как иначе-то?

Как он нашел меня? Вот ненормальный! А улыбка уже растягивает губы. Я так сильно по нему соскучилась! Так сильно!!

Два дня пролетают на одном дыхании. Вчера мы с Тарасом прогуляли три часа, пили какао в кофейне и... целовались. И сегодня столько же. К сожалению, Тарасу уже пора улетать, он много работает у отца. Вырвался буквально на пару дней. Я проводила его до вокзала и поехала домой.

Пришлось пропустить учебу, чтобы провести с ним время. Бабушка по-прежнему держит руку на пульсе, завалиться домой поздно вечером без объяснений я не имею права. А Виолетта Степановна прекрасно знает мое расписание.

Настроение приподнятое, я даже целую диктатора в щеку. Тарас сказал мне столько приятных слов! Тысячу раз извинился за резкие требования и грубые слова. Мат я, по-видимому, и правда себе придумала. Я его понимаю. Он волнуется. Я здесь одна, еще и фотографируюсь на сцене. Он за тысячи километров и переживает.

- Отец звонил тебе? - спрашивает Виолетта Степановна. У нее явно хорошее настроение. Это отлично, значит, она не догадывается о моих тайных свиданиях.

- Нет, а должен был? Что-то случилось?

- Увидишь, - улыбается она. - Скоро всё узнаешь. Иди пока ужинать.

Пожимаю плечами.

Спустя пару часов странное поведение бабушки начинает меня беспокоить. Порхает вокруг меня, предлагает вместе чай попить третий раз за час. Смотрит как-то... странно. словно я смертельно больна и она пытается запомнить меня до начала проявления симптомов — румяной и с блеском в глазах. Я даже очки пару раз протираю, не показалось ли.

А потом отец и правда звонит.

Он, как обычно, сразу переходит к делу, буквально со второго предложения. Ведь болтать о пустяках — это наше, женское. Папа если звонит — то нужно слушать внимательно с первой фразы.

- Я нашел тебе прекрасного мужа, Анжелика. Достойный богатый мужчина, который стоит тебя и твоей красоты. Ты его знаешь, вы в прошлом неплохо ладили.

Он называет фамилию, которую я поначалу не могу вспомнить. Мой технический ум уперся в слово «муж» и спиралью вокруг него закрутился, образуя собственную галактику. В которой нет места Тарасу, программированию и всему, что я полюбила за свой двадцать один год. Я испуганно озираюсь по сторонам, словно ища поддержку. Будто кто-то здесь может мне ее предоставить.

- Ты забыла, наверное? Это ничего, вспомнишь... - продолжает отец.

Мое будущее — манкое, неизвестное, загадочное - вдруг становится прозрачным, как горный ручей. Я вижу все его подводные камешки. Касаюсь рукой обжигающе ледяной воды. А затем ныряю с головой и дыхание задерживаю.

В мое тело не поступает кислород, пока я слушаю слова отца. Веселый, но при этом не терпящий возражений голос.

- ...Поэтому, Лика, доченька, собирайся. Билет мама тебе возьмет на среду. Как раз побудешь дома пару дней, отдохнешь. В выходные съездим в город, присмотрим платье и украшения. - Доброта и ласка в его голосе обманчивы. В любую секунду она может смениться сталью и рубануть с плеча. Я это знаю. И никогда не провоцирую. Сейчас я тоже молчу, ненавидя себя за то, что не сражаюсь за себя. - И... Ты не нервничай, не накручивай себя. Всё будет замечательно.

Его голос звучит из динамика мобильного, а я держу трубку и зажимаю рот свободной рукой. Изо всех сил зажимаю, потому что всхлип мог бы вызвать негодование с его стороны.

Вот так просто? Короткий телефонный разговор. Он что, правда считает, что этого будет достаточно?

Недоумение.

Я почему-то была уверена, что отец любит меня. Он никогда не поднимал на меня руку, ни разу не оскорбил и не повысил голоса. Да я и поводов не давала. Всегда послушная, беспроблемная, неконфликтная. Сообщение о скором браке становится шоком.

Я беспомощно смотрю на бабушку, а та кивает и улыбается. Ей не терпится обсудить со мной эту новость. А я делаю вдох-выдох. Надо дышать, что бы ни случилось. Надо сопротивляться.

Глава 4

Мой отец меня продал. В двадцать первом веке, в правовом государстве. И никто ему за это ничего не сделал. И не делает.

Он обо всем договорился. Дал слово. Пообещал.

Артём Гловач дал слово! Господи!

Такова моя реальность. Конец едва начавшейся жизни. Моей жизни. Новая галактика, в которой я теперь существую, пока без названия. Она темная и мрачная, в ее центре — сверхмассивная черная дыра, втягивающая в себя всё вокруг. Хватит ли у меня сил преодолеть ее притяжение и вырваться?

Боже мой, боже мой.

А ведь одно время я даже чувствовала себя свободной и значимой. Пока жила и училась в Москве. Недолго, к сожалению, ведь образование мне закончить, судя по всему, не позволят. Билеты взяты на среду. Папа явно торопится.

- Наконец-то тебя, горемычную, снимут с моей шеи, - поздравила меня так Виолетта Степановна, едва отец закончил разговор. - А то глаз да глаз был. Боялась не уследить. Москва — огромный, совершенно неподходящий для молоденькой девочки город. Надо было учить тебя в столице нашей республики. Благо, что твой отец меня послушал. Наконец-то.

Я сдержаться в ответ не смогла! По квартире заметалась. Руки стала заламывать. Сердце вдруг заколотилось сильно, гулко. Осознание обрушилось. Значение папиных слов. В голове единственная мысль крутилась: как же так? Как же так-то?

Потом я звонить бросилась. Маме, следом Тарасу. Прямо при Виолетте Степановне. Мама не ответила. Тарас, слава богу, в самолете уже летел, с выключенным мобильным. А то бы натворили делов.

Телефон вибрирует. Мама.

- Мама, мамочка, что происходит?

- Папа звонил?

- Звонил! Это правда?

- Лика, дочка, не нервничай, - говорит мама почти нежно, с улыбкой. - Всё действительно произошло спонтанно. Отец ездил в соседний город, они с Дымарскими встретились. Владимир твои фотографии видел, с конкурса. Вот и порешили сразу. К чему тянуть? Ты не бойся, они хорошая семья. Богатая. А насчет образования не переживай. С твоим зрением лучше от компьютера подальше держаться, - кажется, мама заранее заготовила эти нелепые аргументы.

Дымарский-старший — папин друг еще со школы. У него два сына — Владимир и Сергей. Мы дружили семьями, потом они переехали. Давным-давно. В последний раз мы виделись на юбилее отца десять лет назад, когда они прилетали

всей семьей. Я о них не вспоминала вплоть до сегодняшнего дня.

И фамилия такая неприятная. За четыре года отношений я успела привыкнуть к фамилии Тараса — Орлов. Красивая, гордая. Лица Орлова.

- Почему меня даже не спросили? - бунтую я. - Так ведь не делается. Если я не хочу? Не готова? Если у меня другие планы! - Понимаю, что любые возмущения будут выглядеть странно и надуманно. Потому что вся ситуация странная и неадекватная. - Разве Владимир не должен был сначала спросить у меня? А потом уже идти к моему отцу.

- Спросит. Не в Москву же ему лететь для этого? Владимир как раз вступает в новую должность на юге, у него дел по горло. Вот прилетишь, и мы все вместе поужинаем. Вы еще раз познакомитесь, и он официально попросит твоей руки. - Мама молчит некоторое время. Я тоже молчу.

Понимаю, что они уже всё решили. И помолвка будет носить скорее формальный характер. Но... ведь дело касается моей жизни! Я делаю отчаянный рывок и начинаю тараторить. Долго, много, обо всем вместе.

- Всё к лучшему, - говорит мама с той же наклеенной многолетним опытом терпения нежной улыбкой на рот. Кажется, Саша права. Мои отказы больше похожи на кокетство. - Вот увидишь, что к лучшему. Что тебя ждало в нашей деревне? Такая же жизнь, как у меня. Если не хуже. А тут в город поедешь. На юг! Море — рядом. Горы — тоже. Рай!

- Мам, - я делаю паузу и говорю значительно тише. Это очень важно в моем случае, и я не имею права игнорировать эту тему. - А он знает о... моем статусе?

Невольно запинаясь.

Уверена, Виолетта Степановна подслушивает, и я специально не уточняю, что именно имею в виду. Не хочу, чтобы она знала. Никто не должен, кроме родителей и Тараса. На сто процентов я доверяю только им.

- Отец всё уладил, - обнадеживает мама. - Даже не беспокойся по этому поводу.

- *Он* знает и всё равно берет меня в жены? - в моем голосе проскальзывают стальные нотки, которые меня саму пугают. Обычно они мне не свойственны.

- Я же сказала, Лика, что отец всё уладил, - мягко продавливая мама.

Минут двадцать мы говорим о том о сем. Я задаю вопросы, дабы выяснить, насколько всё серьезно. Если есть хоть крошечный, малюсенький шанс избежать вынужденного брака, я им воспользуюсь. Но мама отвечает категорично — и дату уже назначили, и ресторан забронировали. Вот мне только забыли сообщить. Сегодня папа вдруг вспомнил, что без меня свадьба не состоится, и решил позвонить. Для него этот брак очень важен, он слово дал. А мой отец слово никогда не нарушает, он человек чести. Как он сам о себе говорит постоянно, особенно когда выпьет.

- За тобой Костя заедет, вместе полетите. Он поможет с

чемоданами, - говорит мама в конце.

Костя — это мой старший брат, он тоже в Москве живет. Его, как можно догадаться, жениться никто не заставляет.

Время тянется медленно. Всё как в учебнике по физике — вблизи черной дыры время сходит с ума. Вот и мое сошло. А может, и я сама. В какой-то момент я не выдерживаю, хватаю трубку и вновь набираю номер Любимой Маринки. Абонент всё еще недоступен. Мне просто нужно услышать голос Тараса. Спросить, как у него дела. Он всегда смешит меня, успокаивает.

Боже! Нельзя! Тарас - горячий парень, рванет еще к отцу разбираться. И что тогда? Прокурор за свою дочь голову оторвет. Тарасу так точно! Еще и мастерскую его отца прикроет. «При желании закрыть можно хоть кого», — папины пьяные шутки иногда вовсе не шутки, если уж совсем честно.

Оставляю телефон на столе и иду в ванную умыться. А когда вытираю лицо полотенцем, квартиру пронзает мелодия звонка. Тарас перезванивает?

Не знаю, чего я хочу. Чтобы он, едва с самолета, рванул обратно в Москву, и мы бы сбежали. Или чтобы сотворил чудо и переубедил моего отца. Чтобы... просто заверил, что все будет хорошо. В любом случае я несусь в комнату и хватаю трубку.

Номер неизвестный.

- Да, слушаю, - выдыхаю в трубку, приняв вызов.

- Добрый день. Это Анжелика? - раздается незнакомый голос. Мужской, уверенный. Отчего-то я сразу понимаю, что собеседник не на косметологическую процедуру меня хочет пригласить.

- Добрый, - теряюсь я. - А кто это?

- Владимир Дымарский. Этот номер дал мне ваш отец. Я подумал, что нам было бы неплохо познакомиться, - кажется, в его голосе проступают насмешливые нотки.

И меня это злит! Мои глаза расширяются, я стискиваю трубку. Купил, как корову на рынке, и теперь потешается. Я молчу. Мне почему-то очень стыдно. Хочу сбросить вызов и заблокировать его номер навсегда. Разбить телефон об стену, в конце концов! Но смелости не хватает. Хорошие девочки ведь так себя не ведут. А отец слово дал.

Оборотень Лика вновь из девушки превращается в испуганное убожество.

- Вы ведь знаете, кто я? - торопит с ответом Владимир. Кажется, он не любит ждать.

- Вы мой будущий муж. Знаю, уже как пару часов, - мой голос звучит ровно.

- Вот и прекрасно. Может, созвонимся с видео?

Глава 5

«Прекрасно»? Прекрасно ему! Стоящий рядом взбудораженный диктатор кивает и поспешно уходит в кухню, оставляя меня наедине с будущим мужем. И это тоже меня злит. Обычно, когда мне звонят, ее ушки на макушке, а шея длинная, как у жирафа.

Я воображаю себя дерзкой и смелой. Мысленно посылаю Дымарского куда подальше, а у самой дыхание сбивается. Я так сильно поджигаю пальцы ног, что щиколотки сводит. Становится больно, и я всхлипываю, как маленькая. Наклоняюсь и начинаю стучать по икре.

- Анжелика? - спрашивает Владимир. - У вас всё в порядке? Может быть, я позвонил не вовремя?

А как *ты*сам думаешь? *Ты*-то в двадцать первом веке живешь, в большом развитом городе. А за невестой поехал в нашу дыру.

В груди печет от негодования.

Ладно у нас город крошечный, там свои порядки. И руководство строго следит за тем, чтобы они соблюдались. Но во всей стране договорные браки давно вне закона!

Я тебя не люблю и никогда не полюблю. Оставь меня в покое. Очевидно же, что адекватный человек никогда не согласится на подобный брак. А от неадекватных я предпочитаю держаться подальше.

- Всё в порядке, Владимир. Давайте созвонимся в другой раз, я очень устала за день. Выложились на учебе, писала важную контрольную.

Лгу и не краснею. Полдня я целовалась с Тарасом.

Черная дыра — будущий муж — молчит пару мгновений.

- Хорошо, - милостиво соглашается. - Запишите себе мой номер, Анжелика. Если вдруг вам понадобится какая-то помощь или... захочется со мной связаться по любому поводу, для вася доступен круглосуточно.

Не захочется.

- Конечно. Это очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Слушаю его голос, а у самой волоски на коже дыбом. Взрослый чужой мужчина.

Тарас — мой ровесник, мы росли вместе, ходили в один детский сад, пересекались на улице. Он понятный и безопасный.

А Владимир... Начинаю считать. Сколько же ему лет? Когда мне только исполнилось одиннадцать, ему уже было... двадцать или двадцать пять? Не помню. Мы отмечали вместе юбилей отца. Пышно отмечали, в каком-то шикарном ресторане, который потом закрылся. Я была маленькой девочкой, сыновья Дымарского казались мне взрослыми дядями.

Мне страшно. Так сильно страшно, что после сброса звонка я еще минуту не могу опомниться.

Из оцепенения выводит новый входящий на сотовый. «Любимая Маринка» - обожаемая мною надпись на экране.

И бабушка всё еще в кухне, мы могли бы спокойно поговорить. О чем только?

Я сбрасываю вызов и иду в ванную опять умыться. Хочется себя мочалками тереть.

Я знала, что ничего не получится. Мы с Тарасом никогда не сбежим вместе, никогда не будем счастливы. Возможно, мне просто нравилось об этом мечтать. О свободе, о праве выбора. О счастье, что не навязано родными, а выбрано по велению души. Если бы у меня хватило смелости отказаться. Если бы только я решилась на бунт.

На следующий день я сбегаю с последней пары и долго брожу по улицам. Просто так, без цели. Думаю о пресловутой революции, просчитываю, чего мне может стоить непокорность отцу. Жизни? Готова ли я пожертвовать собой ради шанса быть с любимым?

Папа пообещал, на него надеются важные люди. Подвести папу? Кто я такая? Боже... мне нужно немного времени, чтобы осознать и смириться. Слезы застилают глаза. А когда я, наконец, успокаиваюсь, обнаруживаю себя на лавочке. Передо мной тату-салон. Я долго смотрю на заманчивое название. А потом поднимаюсь на ноги.

«Привет», - приходит с неизвестного номера.

Неформальное, бодрое. Дружелюбное?

На самом деле номер известный, но я не стала заносить

его в телефонную книгу из чувства протеста. Зато запомнила. Номер заканчивается на «3646».

Я уже спать собираюсь, начало одиннадцатого. Рана прямо под левой грудью болит. Колет, зудит, но чесать нельзя. Она совсем крошечная. Всего шесть букв, Resist, что в переводе — сопротивляйся. Короткое помутнение, которое может дорого мне обойтись. Я сначала хотела зайчика на лопатке, но на рисунки в салоне очередь в несколько месяцев. А вот короткое слово мне выбили на перерыве.

Быстро улыбаюсь, вспоминая, как попросила выбить эту надпись сначала мне на лбу. Но мастер категорически отказался.

Эта надпись — мой секрет. Я сделала это со своим телом, потому что оно принадлежит мне. Пока что.

«Добрый вечер», - отправляю Владимиру.

«Чем занимаетесь, Анжелика?» - пишет он мне. Неужели снова хочет созвониться?! Настырный какой.

«Я уже засыпаю, у меня режим».

«Понял. Может быть, перейдем на ты? Раз уж так получилось», - и добавляет улыбку.

Так получилось.

«Как вам будет удобнее, Владимир».

«Хорошо. Ты очень красива, Анжелика. Как картинка».

«Спасибо».

«Я посмотрел фотографии с конкурса красоты и... был поражен».

Вдох-выдох. Все бонусы достаются первому месту. Приглашения модельных агентств, предложения руки и сердца.

«Спасибо, мне льстят ваши слова».

«Мы договорились, что будем на ты».

«Точно. Извини».

Дальше пауза. Он ничего не пишет, я тупо смотрю на экран.

3646, 3646. Не зря Тарас разозлился из-за конкурса красоты. А я еще обижалась на него.

«Спокойной ночи, Анжелика», - приходит от Владимира.

«И вам спокойной».

«Ой! То есть тебе», - быстро поправляюсь.

Доставлено. Прочитано. Ответ падает довольно быстро. Всего три слова. Вовсе не те, которые мечтает услышать невеста от своего жениха накануне свадьбы.

«Ничего, ты привыкнешь».

И волосы на коже снова дыбом. Я набираюсь смелости и открываю его аватарку. Увеличиваю и рассматриваю. До нашей встречи осталось меньше недели.

Он сделает публичное предложение, а я должна буду ответить «да». Дымарские, Гловачи и, может, кто-то еще, — все будут смотреть на меня в этот момент.

Хах. А он тоже кудрявый. Не так, как я. У меня пышные волнистые волосы. У него они темные, жесткие. Но выются. Такое не скроешь.

Глава 6

Перелет выдался муторным.

Наш рейс задержали, потом долго везли багаж. Костя всё время пытался с кем-то ругаться, словно это могло решить проблему. Я сидела на лавочке и смотрела в пол. Мне, в общем-то, было уже всё равно, один из самых сильных позоров в своей жизни я пережила вчера.

В понедельник мы с Сашей сходили в деканат, мне нужно было забрать документы, сообщить, что бросаю учебу. Саша, как староста и моя подруга, во всем помогала. Больше мне никому ничего рассказывать не хотелось, проставляться перед одногруппниками или еще что-то в этом роде — тем более. Будут задавать вопросы. Что на них отвечать? Ребята обхохочутся.

Я решила молча исчезнуть, чтобы все просто забыли о моем существовании. Но гадина Марта как-то вызнала и на лекции по защите информации всем разболтала.

Я могла бы не ходить на учебу, но нам безумно повезло с преподавателем по защите - Вайнштейн рассказывает увлекательно, с кучей примеров из жизни. Первая лекция во вторник с утра — на защите информации обычно стопроцентное посещение.

Марта пустила слух, который услышал Вайнштейн. Начал задавать вопросы. При всех уговаривать меня подумать,

взять хотя бы академ. Сказал, что я талантливая и что мне никак нельзя оставлять учебу.

Какой же я чувствовала себя идиоткой! Столько усилий, чтобы добиться уважения преподавателей, и всё обесценено.

Я улыбалась и делала вид, что это мое решение и что я в нем уверена. Дайте мне мой гребаный Оскар!

Саша молчала, стиснув зубы.

- Я буду к тебе приезжать, - поклялась она позже. - Честное слово. Мы будем продолжать дружить.

Я кивнула. Что еще я могла сделать? В воскресенье выложила Саше всё как на духу. Она же написала прощальное сообщение Тарасу. Четкое. Емкое. Не кокетливое. После чего я заблокировала его контакт. И больше не отвечала на звонки с неизвестных номеров.

Тут понять нужно, что это не романтическая история запретной любви. Если мы будем бороться, то в итоге оба погибнем, как Ромео и Джульетта. Только вот никакой войны кланов не будет, никакого противостояния. Отец мокрого места не оставит от семьи Тараса. А у него младшие брат с сестрой.

Всех, кто мне поможет, отец накажет. А сама я в одиночку не выживу.

Это только мой бой. Мое сопротивление. И в лобовую я не пойду.

Я сложила свои вещи в сумку, помогла собраться Виолетте Степановне. Костя приехал в среду рано утром, мы сели

в такси и отправились в аэропорт.

В пятницу утром Владимир присылает мне огромный букет цветов. Алые, цвета крови, розы. Мама суется, пока ищет подходящую вазу, Виолетта Степановна ахает-охает, стараясь быть в центре внимания. Я стою в пижаме в просторной гостиной и сослепу щурюсь. Меня позвали хором, я в ванной как раз умывалась. Испугалась, вдруг что-то случилось, и быстро спустилась на первый этаж. Очки так и лежат в спальне. На второй этаж за ними подниматься лень.

Ничего не случилось, цветы курьер привез.

Так и стою уже две минуты, держу эти колючие цветы, переминаюсь с ноги на ногу, против воли вдыхая их приятный аромат. В открытке написано: «Красавице Анжелике».

- Можно я оставлю свою фамилию, пап? - спрашиваю у отца, когда мы в субботу рано утром едем в столицу Республики за платьем.

- Зачем? - удивляется он. - Это что за новости такие, Ли-ка?

У отца явно приподнятое настроение. Он за рулем, мама тоже впереди. Я на заднем сиденье, Виолетта Степановна - рядышком. Полагаю, и в мою брачную ночь она тоже захочет присутствовать, чтобы быть непременно в курсе событий. Невольно улыбаюсь, представляя, как мой будущий муж будет выгонять диктатора из спальни.

- Анжелика Дымарская, - перекаत्याваю на языке. - Мне совсем не нравится, ни капли. Неприятная фамилия у него. Она... меня пугает.

- Вряд ли он пойдет на это, дочка, - говорит мама. - Имя и фамилия — это самые важные слова для человека. Мы их слышим чаще всего, с раннего детства. Всегда обидно, когда кто-то негативно высказывается об имени или фамилии. Боюсь, что подобная просьба расстроит Владимира.

- Но *он* ведь прислал цветы. Значит, хочет угодить. Может быть, *он* сделает мне такой свадебный подарок? Пап, как ты считаешь? Я бы хотела остаться... частью нашей семьи, хотя бы сохранить девичью фамилию.

- Думаю, что даже речи об этом идти не может, - говорит отец. Впрочем, при этом улыбается. Не злится.

Два часа мы убиваем в свадебном салоне, я мерю подряд десять платьев. В итоге останавливаем выбор на самом первом. Мне, честно говоря, безразлично, как я выгляжу. Просто хочу скорее закончить, чтобы перейти через дорогу в соседний торговый центр, где есть салон связи. Хочу купить другую симку. Тарас пишет и звонит все эти дни, ситуация становится крайне опасной. Вчера он назначил мне встречу в нашем секретном месте — дальнем корпусе заброшенного гидролизного завода. Дескать, расставаться по СМС жестоко, надо поговорить.

Я, разумеется, никуда не пошла. Слишком рискованно. И он снова мне позвонил.

К платью подбираем туфли, чулки, украшения. Время тянется адски медленно.

Наконец, в начале второго мы с папой стоим на улице у машины, ждем маму. Тепло пригревает весеннее солнышко, в одной руке я держу стаканчик с кофе, пальцами второй быстро строчу сообщения самым близким, чтобы забили в память мой новый номер телефона.

«Владимир, добрый день! Это мой новый номер. Анжелика», - отправляю жениху. Я сделала шаг. Написала ему первой. Возможно, он сделает шаг навстречу и согласится оставить мне девичью фамилию.

Потом поспешно добавляю:

«Анжелика Гловач».

«Привет! Записал. Как дела, Анж?»

Он ничего особенного не пишет, но я всегда робею, когда придумываю, что ему ответить.

В этот момент замечаю, что напротив папиного огромного «БМВ» останавливается еще одна такая же черная машина. Чуть поменьше, но тоже внушительного размера. Из нее выходит дядя Никита, папин друг. Я быстро вежливо здороваюсь и возвращаюсь к экрану мобильного. Они сейчас будут говорить о делах, которые меня не касаются.

Мужчины пожимают руки. Перебрасываются парой общих фраз. Всё это время я чувствую на себе пристальный взгляд. Или мне кажется?

- Анжелика, - в какой-то момент обращается ко мне дядя Никита. У него низкий хриловатый голос. Будто прокуренный, хотя я знаю, что он ведет здоровый образ жизни. Просто особенность такая. Довольно крупный мужчина лет сорока пяти. - Можешь снять очки? На минуту. Как ты стала похожа на Веру! Вживую еще сильнее, чем на фотографии.

Я слушаюсь, потом быстро возвращаю очки на переносицу. Дружелюбно улыбаюсь, собираясь ответить, что мне все об этом говорят, но тут встречается отец:

- Тебе кажется, Никита. Лица совсем не похожа на Веру. Мой первый порыв — поспорить. Тем более отец недавно сам говорил мне о сходстве. Но у нас в семье не принято возражать мужчинам. Особенно прилюдно. Поэтому я опускаю глаза и по привычке молчу. Если папа считает, что нужно ответить именно так, значит, у него на то есть причины.

- А мне кажется, просто копия, - не сдается дядя Никита. Одаривает меня светлой улыбкой.

- Разве что общий типаж... Бледная как поганка, - тянет отец, бросая на меня странный взгляд. Я настораживаюсь, потому что вот такое выражение его лица мне незнакомо. Сердце ускоряется. Он ведь не боится? - А что ты делаешь в центре? Ищешь место пообедать? - переводит тему.

Я возвращаю глаза к телефону и понимаю, что прошло уже три минуты с тех пор, как я получила вопрос Владимира. Простой общий вопрос. На который я так и не ответила. Делаю глоток кофе и вытираю тыльной стороной ладони губы.

«Мы за покупками поехали», - наконец, пишу. Он, наверное, считает меня тупой. Пять минут думала над четырьмя словами.

Ну и пусть. К лучшему.

Мужчины разговаривают о делах, и я не вслушиваюсь.

- А вы здесь какими судьбами? - улавливаю вопрос дяди Никиты. Тот будто спохватывается. - Разве Анжелика не в Москве учится? На весенние каникулы приехала?

- Так всё, закончилась учеба. Для нее. Замуж выходит на следующей неделе, - объясняет отец. - Платье впопыхах кое-как нашли достойное, но всё равно не по фигуре. Будут подгонять. Придется завтра снова ехать на примерку. Ты разве не получил приглашение? Я просил Наташу всем разослать.

- Да? - искренне удивляется Никита Игоревич. - Замуж? Может, мне передавали, но я не обратил внимания. А... за кого?

- За сына Дымарского, - отвечает отец.

- Хм, - задумчиво произносит мужчина. - За которого?

- Старшего.

- Владимира? - хмурится он. Всё это время я чувствую на себе внимательный взгляд дяди Никиты и борюсь с желанием поежиться. Поднимаю глаза и убеждаюсь, что права. Меня рассматривают, как будто я снова в короне и на сцене.

- К чему же такая спешка? - спрашивает дядя Никита. - Девушка совсем молоденькая, жизни не знает. А ты ее замуж. Тем более за Дымарского! - выплевывает он фамилию

чуть ли не с отвращением. - Может, не стоит торопиться?

И тут отец говорит фразу, от которой у меня дыхание перехватывает. Я вспыхиваю огнем, краска приливает к щекам, те начинают адски пылать.

- А как ты думаешь, Никита? - чеканит отец слова. - Встречаются парень с девушкой. В Москве. Никто им там не указ. А потом раз и... - он делает паузу, - приходится срочно жениться. Что остается родителям? Только смириться и поддерживать. Дело молодое, сам понимаешь, - отмахивается якобы с горечью.

Никита Игоревич цокает языком.

- Вот как. Ну поздравляю тогда, - его взгляд мажет по моему плоскому животу, который тут же начинает тянуть.

Я очень хочу возмутиться и заявить, что я не беременна! Так стыдно! Я этого Владимира в жизни ни разу не видела, какая может быть от него беременность?!

Но я молчу как дура, не осмелившись и пикнуть поперек отцу. Обреченно улыбаюсь, как мама. Ненавижу себя за трусость. Ненавижу!

Дяде Никите явно не нравится ни Владимир, ни его семья. Мелькает мысль попросить у папиного друга помощи, я быстро прячу ее в закромах. Обдумаю позже, когда останусь наедине с собой. Смело. Непредсказуемо. Может и работать.

После этого разговора отец кажется вдвойне уставшим. Мы едем домой, нужно еще подготовиться к ужину. Сегодня

ждем в гости кучу народа, в том числе самого Владимира.

Он будет просить моей руки. До встречи осталось каких-то четыре часа.

Глава 7

Нежно-розовое платье на тонких бретельках. Оно лишь оттеняет бледность моей кожи и делает меня еще моложе, чем я есть, поэтому не нравится мне с первого взгляда. Я в нем как фарфоровая кукла! Но мама с диктатором аж заплакали, когда я его надела. Пришлось купить.

Мне, в общем-то, всё равно. Происходящее — не моя идея. Их спектакль, пусть наряжают, как угодно.

Бриллиант на тонкой цепочке призывно сверкает в яремной ямке. Пышные волосы распущены. Мама попросила их вытянуть щипцами и завить красиво, но я так и просидела перед зеркалом весь вечер, раздумывая, не позвонить ли Никите Игоревичу.

Еще я размышляла о Тарасе. Много размышляла. Он, конечно, не заслуживает такого отношения.

Что, если дядя Никита нам поможет? Было бы безумием с моей стороны попытаться. Настоящий бунт! Против отца! Папин друг до сих пор помнит Веру. Возможно, эта несчастная девушка что-то для него значила? Вдруг в память о ней он бы спрятал меня от папы?

Через час начнут приезжать гости. Интересно, Владимир опоздает или будет одним из первых? Я еще раз открываю его фотографию. У него тяжелый взгляд, почти как у отца. Прямой и внимательный.

Быстро гашу экран и откладываю мобильный подальше. Мне не нравится ни он, ни его фамилия.

В окно стучат. Я вздрагиваю от неожиданности. Моя комната находится на втором этаже, но у нашего дома высокий цоколь, так что этаж в действительности равен третьему.

Резко оборачиваюсь и замираю. Тарас сидит на карнизе, улыбается и знаками показывает открыть окно. О нет! Этого еще не хватало!

- Ты спятил?! - шиплю я, кручу пальцем у виска.

Тарас улыбается широко и открыто, снова тычет пальцем на замок. Я же неистово жестикулирую, умоляя, чтобы он убирался куда подальше. Вот сумасшедший! Мне так трудно было... отправлять ему то сообщение. Жестокое. Сухое. Почему он не обиделся и не забыл обо мне?

Однажды Тарас уже лазил ко мне в окно, это было перед моим отъездом в Москву. Но тогда отца не было дома, а сейчас он в гостиной готовится к помолвке.

Я качаю головой, показывая, что ни за что не открою окно. Тогда Тарас меняет положение. Делает это неудачно и соскальзывает вниз! Сердце сжимается - разобьется же! Внизу тротуарная плитка.

Я кидаюсь к окну, быстро открываю створку и наклоняюсь. Тарас висит на карнизе. Увидев меня, ловко подтягивается и, не давая мне возможности пикнуть, залезает в окно.

- Ты умом двинулся? Отец в доме! - шиплю я. Понимаю, что Тарас не уйдет, и поспешно помогаю ему забраться в

комнату, задергиваю шторы.

Тарас кидается ко мне, как оголодавший. Прижимается губами к моим. На секунду я даю слабину и позволяю себя поцеловать. Божечки! Знакомый запах, знакомый вкус. Его руки крепко обнимают меня. Я и правда его любила.

- Лика, я за тобой, - говорит Тарас решительно. - Бежим сейчас!

Меня словно ледяной водой обдаёт. Я поспешно отталкиваю от себя парня.

- Куда бежим?! Тарас, немедленно уходи! - Бросаю взгляд на дверь. Я замкнулась на шпингалет, но замочек вдруг кажется таким хлипким — пни дверь, он и отвалится. - Я тебе всё написала в сообщении. Я выхожу замуж, забудь меня. Всё кончено.

- Это ты спятила, - он хватается меня за плечи. - Что кончено? Наша любовь, что ли? Это твой паскудный отец придумал, да? Муженька тебе нашел себе под стать. Такую же продажную тварь в погонах.

- Убирайся, - я отталкиваю его. - Сейчас же. Ты не понимаешь, что твоя семья пострадает? Твои родные! О них подумай.

- Я без тебя никуда не уйду. Хочешь - режь меня, хочешь - убивай.

- О боже! - я всплескиваю руками. Слезы наворачиваются на глаза. - Ты нас обоих угробишь!

- Доверься мне, - Тарас быстро облизывает губы. - Я всё

устроил. Самое сложное... Лика, посмотри на меня, - он обхватывает мои щеки. Сердце в моей груди колотится, огромное искушение довериться ему. Но... я ведь в своем уме. Качаю головой. - Самое сложное — это слезть со второго этажа. Но ты должна попробовать, я помогу. Дальше нас уже ждут. Мы уедем, нас никто не найдет.

- Куда уедем? - развожу руками. - Где находится то место, где нас не найдет мой отец?

- Просто верь мне.

- А мои лекарства? Там они тоже будут?

- Ты здорова, - отрезает Тарас. - Посмотри в зеркало — ты цветущая, красивая, совершенно здоровая девушка.

Опять двадцать пять.

- Ты не понимаешь? Я тебе сто раз объясняла. Я здорова только потому, что принимаю лекарства. И буду здорова, пока они у меня есть. Это дорого. Очень. Мы с тобой не сможем себе их позволить. По крайней мере не сейчас.

- Рискнем.

- Тарас, я даже на пару месяцев не успела сделать запас. Отец поставил меня перед фактом неделю назад. Побег для меня - самоубийство. Даже если на секунду допустить, что папа не найдет нас, я просто... умру. Со временем.

- Я почитал в интернете, таблетки есть бесплатные. Нам просто нужно будет ездить их получать.

- Бесплатный только сыр в мышеловке. Они намного хуже. Я же тебе объясняла, ты не слушал? Бесплатных таблеток

мне придется есть по шесть-восемь штук в день, всю жизнь. Представь, какие там побочки. И сердце, и печень... Как удары кулаками по организму. Каждый день, неделю за неделей, год за годом. Мои лекарства папа заказывает в Америке, они почти безвредны. Благодаря одной крошечной таблетке в день я проживу долгую жизнь и смогу родить детей. Здоровых! Без рисков! Это проверено сотнями женщин до меня.

Его лицо искривляется.

- Кому ты собралась рожать детей? Этой сучаре, что скоро станет твоим мужем? Он понравился тебе, да? - Он брезгливо оглядывает мое дурацкое платье.

Слова бьют, как пощечина.

- Ему ты собралась рожать? - Тарас продолжает. - Перед ним раздвигать ноги?

- Убирайся, - мои губы дрожат. Я закрываю их рукой. Он так говорит, будто у меня есть выбор.

- Лика, дай мне шанс, - смягчается Тарас.

Я замираю и мешкаю. Очень хочется довериться. Просто положиться на этого импульсивного парня. Если бы всё было так легко, как он говорит! Тарас — хороший, но очень наивный и... он мечтатель. Живет одним днем.

- Идем? - Тарас берет меня за руку. - Пока не поздно.

Из коридора доносится голос отца.

- Лика! Ты с кем там говоришь? - голос становится громче. Отец приближается.

Меня бросает в пот. О нет! Нет-нет-нет! Он услышал! У

моего папы чуйка невероятная, он словно колдун. Я сто раз убеждалась.

- Уходи. Немедленно! - шепчу я, делая страшное лицо. - Пулей выметайся из моей комнаты, Тарас! Всё кончено. Я не смогла. Забудь меня и прости.

- Я уйду только с тобой, - говорит он и протягивает руку. Упрямый. - Этому гаду я свою девочку не оставлю.

В дверь начинают долбиться.

- Лика! - кричит отец. - А ну открывай!

Тарас тащит меня к окну. Раздается безумный грохот — отец наваливается на дверь плечом, собираясь ее выбить. У меня волосы на голове шевелятся от ужаса. Тарас лезет на подоконник, тянет меня за собой. Я в панике! Подчиняюсь, потому что просто не знаю, что еще делать! Отец вновь бьет по двери. Жалкий шпингалет сдает оборону и отлетает, и папа врывается в комнату. Я даже смотреть на него не могу. Закрываю лицо руками и падаю на пол. На колени.

Всё. Теперь мы точно трупы.

Глава 8

Владимир

В столице Республики я проработал три последних года, но так и не привык к мизерным расстояниям и полному отсутствию не то что пробок - даже намека на заторы.

Врожденная любовь к пунктуальности дает о себе знать, поэтому еду на собственную помолвку во второй раз за час.

Сначала я выехал в шесть, добрался за тринадцать минут. И отправился обратно в гостиницу.

Итак, заход номер два.

Начинает подташнивать от навязчивого запаха роз. Букет валяется на заднем сиденье. Эта машина уже не моя, на прошлой неделе я продал ее приятелю. И взял напрокат на время свадьбы.

Свадьбы... с дочерью Гловача. Вот блть. Качаю головой.

Надо ж было так нелепо похерить свою жизнь! Кстати, слово «хер» — не матерное. Происходит оно от названия буквы кириллицы «Х» и раньше обозначало любой косой крест. То бишь похерить — значит, поставить крест.

Ну, еще оно обозначает мужской половой орган. Смысл фразы от этого, впрочем, не меняется.

Эту информацию и еще кучу всякой ненужной ерунды я прекрасно помню всю свою жизнь. Как говорится, юрист без чувства юмора — это прокурор. Но даже нам бывает нелегко

разгребать творящееся вокруг дерьмо без редкой улыбки.

Паркую машину у поместья Гловачей. Высокий забор простирается на полкилометра в обе стороны. Всюду камеры. Зачем? Нужно быть либо продуманным гением, либо конченным идиотом, чтобы полезть в имение этого человека. У ворот, помимо моей, еще три машины. Кажется, несмотря на заход номер два, я вновь прибыл одним из первых.

Родители на помолвку лететь отказались. Присутствия на самой свадьбе с них хватит. Скоро должны подъехать Серёга с невестой, Виктор Владимирович — мой дядя. И толпа местных.

Без пятнадцати семь. Что ж, посмотрим, что там за Анжелика. Суженая моя ненаглядная.

Выхожу из мерса и направляюсь к воротам.

Перевод на новое место в мой родной город произошел внезапно и повлек за собой кучу головняка. Я путем справки навести не успел. Не до девки было.

Впрочем, какая разница? Слово я дал, метаться и сомневаться поздно. И тем не менее любопытство разбирает. Я ненавижу тайны и секреты, мне всегда нужно докопаться до сути.

Что-то в ней должно быть не так. Что-то важное. Имеющее решающее значение.

Массивные кованые ворота открываются при моем приближении. Костя Гловач при параде, выходит вперед и тянет ладонь. Здравуемся, будто рады друг другу. Обмениваемся

парой общих фраз. Неуютно. Ворота закрываются за спиной, но пути к отступлению при этом не отрезают. Их просто не было.

С моей стороны пока не прибыл никто.

Костя хлопает по плечу и приглашает в дом. Метров двадцать до крыльца, высокая лестница, надежная дверь. Этот замок если брать, то только серьезным штурмом.

- Ты рано, - говорит он мне.

- Может, покурим тогда? - киваю в сторону.

- Поздно! - усмехается. - Тебя увидели из окон. Уверен, бабы дежурят у порога в ожидании. Удачи, парень, - смеется он и снова хлопает по плечу.

- Спасибо.

Мимо проходят трое. Двое мужчин, судя по лицам — копы в гражданском или охрана. Ведут третьего — молодого парня лет двадцати. Одетого в спортивный костюм. Тот бросает на меня долгий взгляд, щурится.

Машинально провожаю его глазами.

Костя поднимается по лестнице, я следом. Заходим на огромную веранду. Наконец, в сам дом. Передо мной просторная прихожая, в которой переминаются с ноги на ногу уже человек десять. Все женщины.

- Добрый вечер, - здороваюсь я коротко. Поднимаю опущенный бутонами вниз букет. Бегло оглядываю присутствующих. Невесты среди них нет. По крайней мере никого, более-менее похожего на девушку с фотографии.

Дамы, как в дешевом кино, расступаются, образуя собой живой коридор. И из комнаты выходят двое. Габаритную фигуру Гловача узнаю сразу. Довольно тучный мужчина в безупречно сидящем костюме. За последние годы он прилично похудел, раньше представлял собой эдакий шар. Гловач покраснелся. Выпил уже, что ли?

Но мой интерес к нему гаснет так же быстро, как возникает, так как Гловач ведет под руку девушку.

Невеста. Никаких сомнений. Это моя невеста.

Одета в розовое платье девственницы. Если бы ей на лбу написали слово «невинна», было бы не столь очевидно.

Я подаюсь вперед и впиваюсь глазами в стройное создание с копной русых волос. Довольно высокая, под метр семьдесят. Худенькая, но при этом фигуристая. Грудь, талия, бедра — всё на месте. На мой вкус, слишком юная, в баре я бы к такой не подошел. Просто не понимаю, что с ней делать. Но недостаток этот временный.

Что, что с ней не так?! Быстро шарю взглядом по фигуре, волосам, лицу. Девушка скромно смотрит в пол, позволяя себя просканировать.

Я думал, может, местечковый конкурс красоты куплен, а фотографии подправлены. Почему нет? С такими-то деньгами. На фото красавица, а в реальности — крокодил. Было, впрочем, по фигу. Не в моей ситуации перебирать. Крокодил так крокодил.

И всё же, в чем подвох?

Она прекрасна.

Еще прекраснее, чем на фото. Руки-ноги на месте. Спину держит прямо. Кожа чистая, губы манящие.

Но что-то быть должно.

Чувствую, что начинаю слегка паниковать. Как эту девочку вообще можно подавлять?

Гловач — человек, способный на всё. Не просто так они с моим отцом после многолетней дружбы разругались и не общаются десять лет. Но детей своих этот старый хер любит. Наверное, это единственное, что он любит в своей жизни. Поэтому что-то должно было его заставить отдать мне дочь.

Что. С ней. Не так?!

Беременная? Свадьба нужна, чтобы скрыть позор? Сомнительно, но возможно. Это ерунда, не страшно. Если так, буду считать, что откупился дешево.

Наоборот, бесплодна? Моя сестра родила уже троих, и брат скоро женится. Родителям внуков хватит. Эту кару я тоже принять готов.

Может, девка при смерти и вот-вот откинется? Хм. Гловач пздц как богат, и устроил бы своему обожаемому чаду фантастические последние месяцы жизни. Я — вечно пропадающий на работе - явно не Диснейлэнд. Физически неспособен скрасить кому-то финал, даже если буду стараться. Отлетаем.

Больна чем-то хроническим? ВИЧ? Тоже не проблема, медицина шагнула далеко вперед, и то ли еще будет. Мой

близкий друг уже двадцать лет живет с ВИЧ, цветет, помирать не собирается. Двое детей, жена, карьера. Наличие болезни — неприятно, но, по мне, так не повод впопыхах избавляться от родного ребенка.

Другая хроника? Пусть так, прорвемся.

Тупая? Насколько я знаю, она училась на техническом факультете. Не потянула, выгнали? Ну опять же не причина отдавать ее мне. Девочка красивая, глупость в ее случае лишь в плюс.

Может, сумасшедшая? Психически нестабильная? С каким-нибудь ПТСР? Найду ей лучшего врача, поборемся.

Наркоманка?!

Блть, знать бы, к чему готовиться. Почему она не оказалась просто страшной?

Этот безумный поток мыслей проносится в моей голове за секунду. Я склоняю голову набок, хмурюсь, изучая дочь Гловача по миллиметрам. Худые руки, светлая кожа. Манящая ложбинка груди. Платье длинное, в пол. Скромный взгляд строго вниз.

Где-то справа щелкает камера на телефоне.

- Привет, Анжелика, - произношу в гробовой тишине. Кажется, окружающие даже дыхание задержали. Мы в театре на сцене. Слава богу, отец не видит. - Рад с тобой познакомиться.

Улыбаться, впрочем, не хочется. Радоваться нечему. Поэтому слово «рад» берем в кавычки.

И тут она вскидывает глаза. На мгновение. Большие, голубые глаза. А в них пожар! Эмоции. Явно не любовь, но много страсти и... делаю ставку на ненависть. Необузданную, ярую. Еще вижу интеллект. Непокорность.

Девка глазами не стрельнула, а подожгла. Меня. Махом.

Следом поспешно взяла себя в руки, взглянула на носки своих туфель и снова на меня.

В этот самый момент она мне понравилась. Пустой человек так смотреть не может. Девушка явно не дура. В ответ я улыбаюсь. Видимо, выходит не очень, потому что на лице Анжелики отражается ужас. Девушка вспыхивает красным так неожиданно и показательно, что мне едва удастся подавить смех.

Анжелика Гловач быстро опускает глаза.

А когда вновь смотрит, пожар в них уже потух. Я вижу лишь голубизну ясного южного неба. Спокойствие, абсолютное смирение и покорность судьбе.

Делаю ставку, что ни фига он, пожар, не потух. Она его спрятала. Я продолжаю улыбаться и, судя по ответным быстрым взглядам, пугаю девушку до смерти. Ее открытые плечи идут розовыми пятнами, так сильно девочка волнуется.

- Я тоже рада знакомству, - лепечет она, принимая букет из моих рук. И голос у нее тоже славный, но это я еще по телефону оценил. - Чудесные розы, спасибо большое, Владимир, - трогательно улыбается. Одними губами. Такими нежными, соблазнительными, как она сама вся.

Внезапно мне хочется, чтобы окружающие исчезли, оставив нас с моей будущей женой наедине. Гловачи всегда меня раздражали, сейчас — особенно.

Я подхожу ближе, чем следовало бы, оттесняя тестя, склоняюсь и целую невесту в щеку. Губами не касаюсь, только дыханием. Ее кожа приятно пахнет свежестью и едва уловимыми духами. Прежде мне незнакомыми. Но я их запомню. Густые русые волосы скрывают ушную раковину Анж, но даже если у девицы последняя степень лопухости — на данном этапе мне уже глубоко всё равно.

По плану я должен сделать предложение в конце ужина. Но она так мило пугается... Едва склоняюсь на ней, она замирает и дыхание задерживает. И я решаю задать настроение вечеру. В конце концов, чей это праздник? Явно не стоящей передо мной зашуганной девственницы.

- Анжелика, вживую ты еще прекраснее, чем на фотографии, - обвожу глазами присутствующих. Женщины улыбаются, словно похвалили результат их работы. - Ты выйдешь за меня замуж?

Мы смотрим друг другу в глаза. Не знаю, как ее воспитывают. Но огонь она научилась скрывать хорошо. Анж мягко послушно улыбается:

- Конечно. С удовольствием, Владимир.

Я подношу ее руку к лицу и целую тыльную сторону ладони. Стреляю глазами на нее, потом на ее отца и улыбаюсь шире. Гловач ловит мой взгляд, и его лицо сереет.

О, да, твоя дочка мне пришлась по вкусу. Я бы ее поймел прямо сейчас в соседней комнате. Оказывается, у такой мрази, как ты, весьма соблазнительное потомство. Кто бы мог подумать? Видишь, у меня терпение летит ко всем чертям. Но так уж и быть, немного подожду.

Гловач быстро отворачивается и начинает что-то говорить. Громко поздравлять нас. Потом спешит к дверям встречать прибывших гостей. Я мимоходом отмечаю, что руки он мне не подал.

Розовое платье Анжелики выглядит бледно на фоне ее пылающих щек. Она таращится на меня во все глаза. Пытается забрать свою руку, но я не позволяю. Наоборот, сжимаю между своими ладонями. Грея. Она холодна как лед.

Разглядываю девушку, больше не пытаюсь скрывать интерес. Ну что ж, милая, сама расскажешь, что с тобой не так? Или поиграем в угадайку? Впрочем, с тобой я поиграю.

Глава 9

Ли́ка

- Какие у тебя планы на завтра? - спрашивает Владимир без всяких там лишних предисловий. - На обед тебя пригласить хочу.

Причем тон у него такой, будто обед — это я.

- Примерка платья. Пробный макияж. Маникюр. Утверждение меню, - начинаю перечислять.

- График битком, понял. В понедельник?

- Наверное, мама уже что-то придумала. Надо узнать у нее, - пожимаю плечами и бросаю взгляд на маму. Она стоит в коридоре и что-то объясняет официанту.

- Освободи для меня понедельник, - просит-утверждает Владимир. Наша регистрация назначена на среду, но кажется, этот мужчина не готов ждать и трех дней.

- Я попытаюсь.

Мы ужинаем уже сорок минут. Всё это время Дымарский с меня глаз не сводит.

Приятного мне, блин, аппетита.

Я поначалу обрадовалась, что мы сидим не рядом, а это значит, что он, наконец, выпустит мою руку, которую собственнически сжимал в своей огромной горячей ладони, пока мы здоровались с гостями и принимали поздравления. Но оказалось, ликовала я преждевременно. Теперь, когда мы си-

дим напротив друг друга, ему намного удобнее пожирать меня глазами. Обглаживать косточки.

Сомнений нет, он такой же диктатор, как мой отец или Виолетта Степановна. Если не хуже. Прямой холодный взгляд. Даже когда Дымарскому интересно и в его карих глазах вспыхивают искры любопытства, они тоже будто... холодные, чужеродные. С той другой части Вселенной, где я никогда не бывала. Он ведь ворвался в мою галактику и закрутил ее по-своему. Без разрешения.

Судя по всему, Владимиру очень понравились мои пресловутые фотографии с конкурса, раз, лишь глядя на них, он вознамерился жениться. Мой отец богат и влиятелен, вероятно, это тоже причина. Комбо.

- Времени очень мало, а сделать нужно много. В списке приглашенных двести человек. И это самые близкие, - объясняю я ему. - Приезжай на обед к нам, как раз обсудим детали праздника.

Он хмурится, на его лице отражается смертельная скука.

- Тогда ужин. Поужинаешь со мной в понедельник? Не бойся, верну домой в целости и сохранности, - гад даже не пытается сдерживать улыбочки.

- Я не боюсь, - отвечаю быстро. - С удовольствием поужинаю, - произношу на автомате заученные фразы. С удовольствием выйду замуж, с удовольствием поужинаю. Не жизнь у меня, а сплошной кайф.

Я снова чувствую себя вещью, ежусь и вздрагиваю. Боль-

но. Очень. Чуть больше часа назад отец отхлестал меня ремнем по заднице, да так, что там, должно быть, черные синяки остались. Я сжимала зубы и терпела, понимая, что еще легко отделалась. Пугали мысли, что, увидев Тараса в моей спальне, папа не сдержит гнев и просто в состоянии аффекта приберет меня.

И за это ему тоже ничего не будет. Состояние аффекта ведь.

К счастью, я жива. Тарас просидит пятнадцать суток в камере, подумает над своим поведением. Когда он выйдет, я буду уже далеко. «Овчарки» отца поговорят с ним, и парень оставит меня в покое. Так будет правильно. У него своя жизнь, я стану в ней лишь воспоминанием о первой несчастной любви.

Поджимаю губы, тянусь к стакану с водой и вздрагиваю, так как вновь натыкаюсь взглядом на Владимира. Он... знаете, что творит?!

Пялится на меня. Своими темными ледяными глазами. Он... вроде бы ничего особенного не делает, но почему-то мне кажется, что его взгляды неприличны. Мне ужасно неловко быть в центре внимания этого взрослого тридцатилетнего мужчины. Как будто между нами прямо сейчас происходит нечто интимное, не предназначенное для чужих глаз. Каждую секунду я помню, что в гостиной помимо нас еще тридцать человек. А он, интересно, помнит?

В том числе здесь присутствуют его брат Сергей и дядя

Виктор Владимирович. Дымарских всего лишь трое, но кажется, словно не меньше половины гостей.

Вновь ежусь, а потом сжимаюсь от боли. Задница горит, пылает ащ-щ! Бросаю на отца по-детски обидчивый взгляд. Возвращаюсь к своей тарелке.

- Может быть, еще шампанского? - слышу уже знакомый голос. Владимир наливает мне третий бокал подряд. Первый я осушила залпом, едва села за стол. Второй тянула все сорок минут. Третий будет явно лишним, но Владимир уже наклоняет бутылку. Мне остается лишь разглядывать прозрачный напиток в своем бокале и предвкушать, как задорные пузырьки будут щекотать нос. Владимир вновь смотрит на меня, и я делаю большой глоток. Жених, наверное, решит, что я алкоголичка. Сюрприз!

Еще один жадный глоток, и голова идет кругом. Я ощущаю себя достаточно смелой для того, чтобы улыбнуться Владимиру. Он тут же улыбается в ответ. Я распрямляю плечи, решая сопротивляться его давящей энергетике, и чувствую, что картинка перед глазами расплывается.

Мы смотрим друг на друга. Я словно загипнотизированная, никак не могу разорвать наш зрительный контакт. Дымарский будто... не позволяет. И продолжает улыбаться. Нехорошо. Вызывающе. И как-то будто... собственнически. Будто я уже его. Мое сердце разгоняется.

Не ужин, а бег с препятствиями.

- Вы... то есть ты практически ничего не съел. Тебе невкус-

но? - спрашиваю я, кивая на его полупустую тарелку. Говорю какую-то ерунду, только бы перевести тему. Лишь бы он перестал на меня так смотреть.

- Нет, всё нормально, - отвечает он.

- Готовила не я, - улыбаюсь слегка нервно. Стараюсь придать голосу заговорщические нотки. - Повара из «Крепости». Так что можешь сказать правду, я не обижусь.

Он бросает взгляд на блюда, стоящие на столе. Потом вновь смотрит на меня.

- Вечер выше всяких похвал, Анжелика. Я предпочитаю простую сытную еду, удивлять меня вовсе необязательно.

И мне отчетливо кажется, что эти слова к еде относятся мало. Сглатываю скопившуюся слюну и поджимаю пальцы ног.

Честно говоря... - я начинаю мысленно тараторить — честно говоря, Тарас не совсем прав. Владимир не такой, как мой отец. Да, он тоже обладает властью и привык к тому, чтобы ему подчинялись, но... Я знаю многих папиных друзей и коллег, и они действительно все между собой немного похожи. Не чертами лица, а скорее мимикой, манерой себя вести, выбором тем для разговоров. Они даже смеются одинаково над предсказуемыми шутками.

Дымарский здесь чужой. В его позе, взглядах, обращениях не ко мне, в словах — читается собранность, напряжение и легкое презрение. Слово своим присутствием он делает моей семье огромное одолжение.

Меня это беспокоит.

Несмотря на то, что мой отец только что отходил меня ремнем, в глубине души я верю, что он бы не причинил мне зла. Осознанно. Пусть он выдает меня за нелюбимого, но при этом верит, что делает как лучше. Или нет?

Дымарский даже внешне выделяется. Он достаточно высокий и широкоплечий. У него темные, почти черные вьющиеся волосы. Смуглая, словно загорелая кожа. Хотя за окном всего лишь начало весны. Да пусть бы даже было лето, работа у Владимира в кабинете, на солнце валяться особенно некогда. Интересно, кто он по национальности?

Тем временем начинается какой-то кипиш. Кажется, смена блюд. Официанты убирают грязные тарелки, ставят чистые. К Дымарскому подходит его дядя.

- Владимир, есть сигареты? - кивает в сторону выхода. Потом он смотрит на меня и улыбается: - Анжелика, разрешите украсть у вас жениха на пять минут? Обещаю, что скоро верну его.

Двое мужчин смотрят на меня выжидающе, словно я могу ответить отрицательно.

Можете совсем не возвращать. Делов-то.

- Да, конечно, - улыбаюсь я.

- Я скоро вернусь, - «обнадеживает» меня Владимир. Кивает мне, а потом... подмигивает. И впервые за весь вечер в его улыбке проскальзывает нечто отдаленно похожее на добрую эмоцию.

В ответ меня бросает в жар, а потом сразу в холод. Мурашки пробегают по телу. Сначала по коже, что не прикрыта тканью и выставлена напоказ, а затем по спрятанной под платьем. Соски невольно напрягаются. Это точно не от сексуального возбуждения, но Владимир, уже поднимаясь со стула, замечает реакцию моего организма. Он вообще следит за мной ежесекундно, считывает каждое движение.

Его темный внимательный взгляд задерживается на моей груди, рот слегка приоткрывается. Мои соски напрягаются сильнее. Я кусаю губу и стискиваю ноги, будто сжимаюсь всем телом. Тут же чувствую боль.

Владимир это замечает и хмурится. Поднимается и уходит словно нехотя, в сопровождении дяди и брата. По пути к ним присоединяется Костя.

Я же допиваю третий бокал и начинаю неистово закусывать, не понимая, почему сердце так отчаянно колотится. И почему мне жарко и холодно одновременно.

Глава 10

Ли́ка

- Спасибо за приглашение, но завтра я действительно буду занята весь день. Виктор Владимирович, подготовиться к свадьбе за столь короткий срок — практически нереально. Мы с мамой делаем невозможное, - вежливо отказываю на третье подряд предложение дяди своего будущего мужа пообедать всем вместе.

- Делать невозможные вещи — для вас абсолютная норма, я прав? - приподнимает он брови.

Я не понимаю. Растерянно пожимаю плечами, моргаю, тогда Виктор Владимирович взрывается громким хохотом, и я невольно улыбаюсь, заражаясь его беззаботным весельем.

Мы прощаемся у ворот. Уже довольно поздно, гости почти все разошлись. Дымарские по-прежнему тут полным составом. Владимир курит неподалеку, рядом с ним его брат, Костя, мой отец и еще двое мужчин.

Мама с диктатором в метре от меня раздают ценные указания помощникам по кухне.

- Вы прелестны, даже когда отказываете, - умиляется Виктор Владимирович.

Если за весь вечер Владимир не сделал ни глотка алкоголя, то Сергей и его дядя не отказывали себе ни в виски, ни в шампанском.

- Когда же мы увидимся теперь, Анжелика? - не унимается Виктор. - Неужели только на свадьбе?

- В понедельник я ужинаю с Владимиром. Может, вы составите нам компанию?

- Боюсь, мой племянник такому повороту не обрадуется, - усмехается Виктор, бросая многозначительный взгляд на мужчин, стоящих неподалеку. Вообще, он выглядит добрым и располагающим к себе человеком. Но я не расслабляюсь. Все мы знаем, что меня заставили бросить учебу и выйти замуж. И этот милейший на вид мужчина считает, что это нормально.

- Тогда приезжайте во вторник к нам, - приглашаю я. - День у меня снова забит, но вечером мы будем дома.

- Во вторник не выйдет, простите, милая, но у нас мальчишник! - объявляет мой собеседник. - Мы такую программу Вовке устроим, он даже не представляет! - восклицает с восторгом.

«Вовке». Интересно, смогу ли я когда-нибудь так назвать Владимира? Смешно!

- Тихо, дядя! - одергивает его Сергей, который вдруг оказывается рядом. - А то сюрприза не получится, - выразительно смотрит. Потом переводит глаза на меня и широко пьяно улыбается. Сергей моложе Владимира и будто мягче на вид. Подстрижен очень коротко. Делаю ставку, что его волосы тоже выются, как и у брата.

- Анжелика меня не сдаст, - уверенно заявляет Виктор. -

Не сдадите же? - смотрит жалобно.

На мгновение, буквально на долю секунды, мне кажется, что всё это — происходит по-настоящему. Что я выхожу замуж по любви и родственники моего будущего мужа с удовольствием подшучивают над нашей парой.

- Не сдам, разумеется, - отвечаю вежливо.

К нам подходят остальные мужчины. Отец приобнимает меня за плечи. Он довольно много выпил и вальяжно улыбается. Владимир тоже тут как тут.

- Нам пора, - я слышу его голос и зачем-то задерживаю дыхание. От волнения, кажется. Я сильно нервничаю в его присутствии. Боюсь, что не усну сегодня, буду вспоминать наши игры в гляделки. - Очень поздно. Анж, ты тоже ложись, завтра трудный день. Маникюр и всё такое, - приподнимает он брови. Подкалывает? Шутит?

- Конечно, - соглашаюсь я. Владимир медлит, потом добавляет:

- Тогда до понедельника. Я заеду в шесть.

- Хорошо, я буду готова.

- А что в понедельник? - спохватывается отец, нахмурившись.

- Свидание, - отвечает ему Владимир. - Я пригласил Анжелику вместе поужинать. Вы против, Артём Фёдорович? - делает паузу. - Не доверяете мне?

- Хотел бы уточнить, куда поедете?

- В столицу. Здесь вряд ли найдется приличный ресторан.

Не переживайте, верну в целости и сохранности, - улыбается он.

Владимир вновь смотрит на меня, кивает, и я, смутившись, улыбаюсь ему на прощание. Провожая глазами его высокую фигуру. Слежу, как он идет к машине, садится за руль. Почему-то для меня всё это важно. Мне будто хочется впитать в себя детали: запомнить его походку, манеру двигаться, выражение лица, когда он что-то объясняет своему дяде, устроившемуся рядом. Сергей падает на заднее сиденье.

- Лика, иди домой, - говорит отец.

Я вздрагиваю, понимая, что всё еще пялюсь на задние фары удаляющегося черного мерседеса. Стою как вкопанная.

- Задумалась, пап. Трудный долгий день.

- Беги спать, завтра в десять нам нужно быть на примерке, - торопит он мягко. Мы бы с мамой съездили без него, например, на такси. Но отец хочет присутствовать, а спорить с ним бесполезно.

Я киваю и спешу в дом, поднимаюсь на второй этаж к себе в комнату. Хочу поскорее остаться наедине с собой и со своими мыслями. Чтобы можно было расслабиться и не переживать, что кто-то догадается о том, что меня волнует.

Принимая перед сном душ, я вспоминаю глаза своего будущего мужа. То, как он рассматривал меня, как задержался на груди. Обнимаю себя руками. У нас ведь будет первая брачная ночь. Уже в эту среду. Я не могу игнорировать мысли о ней.

Хорошо, что мы сходим на свидание и я узнаю его немного получше. Станет понятнее, чего от него ждать, — ласки или грубости. Нежности или безразличия. Лучше бы ласки, конечно.

В чем-то Тарас прав. Если свадьба состоится, то мне придется родить детей Владимиру. Но это будут и мои тоже дети, и я их буду любить. Возможно, я найду в них утешение.

А может, Владимир позволит мне закончить образование и даже работать. Если я научусь себя обеспечивать, то смогу уйти. Стать независимой! Боже! Для этого мне нужно, наверное, наладить с ним контакт. Понравиться.

Не всё сразу. Маленькими шажками. Всему свое время.

Обнимая подушку, я понимаю, что не могу дождаться понедельника. Мне не терпится начать действовать. Делать хоть что-то, помимо молчания и согласных кивков!

Раздается тихий стук, дверь приоткрывается, и мама проskalывает в комнату. Садится на край кровати, я тут же приподнимаюсь на локте.

- Спишь? - спрашивает она шепотом.

- Нет, думаю. Столько мыслей! Как всё прошло? Что скажешь?

- Прошло хорошо. Жаль, что со стороны жениха было так мало гостей, но уж очень далеко живет его семья. На свадьбе будет больше. Как тебе Владимир?

- Я не знаю, - мешкаю. - Ты видела, как он разговаривает с отцом? На равных, хотя значительно младше. Я его немного

боюсь.

- Я сама его боюсь, - отвечает мама еще тише.

И мы крепко обнимаемся.

Глава 11

Ли́ка

Всё, с меня хватит.

Руки дрожат, а такое со мной бывает нечасто. Зная моего отца, несложно предположить, что психика у меня тренированная и довольно устойчивая. Мало что может вывести из себя по-настоящему. Я давно смирилась с судьбой, болезнь лишь способствовала принятию. Но случившееся сегодня — это перебор.

Я согласилась на всё! Бросила учебу, Тараса, мечту. Со мной не возникало проблем! Я лишь молчала и кивала, робко просила, а в случае отказа беззвучно глотала обиды. С осознанного возраста я даже не плакала при родителях. Смысл? Его не было.

Я и сейчас не плачу. А вот руки дрожат. Гнев внутри бурлит, он требует выхода. Немедленно! Иначе я просто взорвусь! Я тянусь к телефону и пишу:

«Владимир, привет! Ты очень занят?» - я настолько взбодорена, что даже не чувствую смущения.

Ответ приходит незамедлительно.

«Привет, Анж. Что-то случилось? Только не говори, что ужин отменяется».

В конце он ставит точку. Не смайлик.

«Ты бы не мог приехать раньше?»

«Во сколько?»

«Сейчас».

Он пишет, пауза, снова пишет:

«Выходи через 20».

Только три часа дня. Я кидаюсь к шкафу и распахиваю створки. Замираю перед вешалками с одеждой. Вдруг хочется посрывать эти кофты, брюки, бабушкины платья, поскидывать их в кучу и потоптаться сверху. Марта была права, я одеваюсь как старуха! Потому что эти вещи себе выбираю не я. Они вообще не по моему вкусу. Да у меня и вкуса нет! Откуда ему взяться, если я живу словно в тюрьме.

Но что-то надеть нужно. Я сначала хватаю платье с по-молвки — оно красивое и сексуальное. Внутри вшит поддерживающий топ, но даже с его учетом соски выделяются. Сомневаюсь. Будет, наверное, странно второй раз появиться перед мужчиной в той же самой одежде.

Наконец, я облачаюсь в черные брюки с высокой талией и белую блузку. Расстегиваю пару пуговиц сверху. Потом мешкаю и расстегиваю еще одну. Вzbиваю волосы перед зеркалом, делая их пышнее. Подкрашиваю немного губы. Думаю надеть линзы, но в последний момент отказываюсь от этой идеи. Я плохо спала ночью, днем плакала, глаза устали.

Вчера на примерке так получилось, что мама с диктатором заметили мою татуировку. Сначала они разругались в пух и прах, обвиняя друг друга во всех грехах. А затем накинулись на меня. Я не выдержала и высказала в ответ, пря-

мо при швее, что, если они проговорятся отцу, я вообще не пойду замуж. Не убьют же они меня, в конце концов!

Не пойду, и всё.

В итоге они устроили просто адовый скандал, диктатор влепила мне пощечину, а мама не заступилась! Сегодня рано утром, пока отец на работе, они тайком вывезли меня в столицу, где мне вывели мою «resist». Рана была еще свежей, поэтому, скорее всего, останется шрам. На память.

Любая моя попытка обрести индивидуальность или хоть что-то изменить в своей убогой жизни моментально давится, остается лишь шрам. На душе, самооценке, а сегодня еще и на теле. Я вновь подчинилась, сдалась прессингу и теперь презираю себя за это.

Я подхожу к окну и, едва заметив приближающийся черный мерседес, несусь по лестнице вниз.

Хуже быть не может. Просто не может. Не маньяк же этот Дымарский! В любом случае я больше не могу находиться в этом доме ни секунды.

Мне нужна передышка.

- Я ухожу! - кричу громко, чтобы услышали.

- Куда это? - выскакивает из кухни диктатор. Следом спешит мама с полотенцем в руках.

- Владимир приехал, - объявляю, пока быстро обуваюсь.

- Рано ведь еще, - теряется мама. Меня должен был проводить отец, они там целое шоу придумали.

- Я попросила меня забрать пораньше. Он полностью сво-

боден.

- Может, не пойдешь никуда сегодня? Рана болит, вдруг он заметит?

- По фигу, - сдуваю прядь, упавшую на лицо. Надеваю второй ботинок.

Диктатор с мамой переглядываются. Я накидываю пальто.

- Хотя бы не говори, что это была татуировка. Скажи, что удалила родинку. Как мы договаривались. У Дымарских семья очень приличная, они такое никогда не примут.

Звонок в домофон, к счастью, прекращает этот унижительный разговор. Владимир стоит у ворот, мы видим его на экране домофона. Как всегда, спокойный, чуть высокомерный взгляд. Одет в черный костюм, только вместо рубашки черная водолазка.

Я открываю дверь и выбегаю на крыльцо. Несусь вниз по лестнице. Глупо, но меня не отпускает чувство, что меня могут остановить. И запереть. Как Тараса в камере. Поэтому я спешу изо всех сил.

Выхожу за ворота, неуклюже запинаясь о ровную тротуарную плитку и чуть не падаю.

- Анжелика, всё хорошо? - спрашивает Владимир. Делает широкий шаг в мою сторону и подхватывает меня под руки. Он немного удивляется крупным очкам, улыбается на одно мгновение, будто я в них кажусь ему милой.

- Да, я просто голодна. Мы можем поехать куда-нибудь пообедать? - смотрю на него серьезно.

- Разумеется, - отвечает он уже без улыбки.

Владимир вновь сжимает мои руки, как на помолвке. В этот момент за ворота выбегает запыхавшийся диктатор.

- Добрый день, Виолетта Степановна, - говорит Владимир.

- Чем-то могу вам помочь?

- Добрый день, Владимир Сергеевич. Анжелика сегодня себя неважно чувствует, она попросила составить ей компанию за ужином.

Владимир переводит на меня взгляд. Я в ужасе округляю глаза. Они боятся, что я что-нибудь выкину. Расстрою свадьбу.

- Ты заболела? - уточняет Владимир.

- Удалила родинку. Немного болит это место, - я касаюсь груди. Чуть задерживаю руку на месте раны.

Владимир переводит глаза на диктатора, снова на меня.

- Анжелика, не стоит беспокоиться. Я о тебе позабочусь. Если станет хуже, полчаса - и мы дома. Из любой части столицы.

- Отлично. Я тебе доверяю, поедem вдвоем, - моментально соглашаюсь я.

Боже, когда я вернусь домой, меня будет ждать скандал. Но это произойдет только через несколько часов. Поэтому я улыбаюсь. Впервые за долгое время искренне.

Владимир держит мои ладони. Диктатор не шевелится.

- Ваша помощь нам не понадобится, - обращается он к Виолетте, - можете пойти домой и отдохнуть.

- Мне всё равно нужно по делам в столицу. Кое-что докупить к свадьбе, - говорит она упрямо и шагает в сторону машины. - Доеду с вами.

Владимир слегка прищуривается. На его лице нет ни тени недовольства, но я замечаю это мимолетное движение. И готовлюсь к чему-то экстраординарному.

- В столицу мы поедем только через два часа, - говорит он ровным голосом, - потому что я заказал столик на шесть. Вас утомит ждать в машине, пока я показываю Анжелике свой номер в гостинице.

У меня открывается рот. Виолетта Степановна замирает и растерянно хлопает ресницами, не найдя, что сказать в ответ.

- Хорошего вечера, - говорит Владимир и кивает мне на машину.

Дважды звать не приходится. Я быстро иду к мерседесу. Владимир следом. Я чувствую на себе его взгляд, и сердце разгоняется. Качает кровь по венам, губы сохнут, дыхание становится глубже. Может, я сошла с ума. Трясущийся от страха зайчишка сбежал от тирании домашних, чтобы быть съеденным волком.

Пусть так. Я хотя бы сделала это по собственной воле.

Владимир садится рядом, машина трогается. Это очень глупо, конечно. Любая современная девчонка, например Марта, умрет со смеху. Но я впервые оказываюсь в машине вдвоем с незнакомым мужчиной. Не родственником и не

папиным водителем. И мне неловко. Спина прямая, бедра напряжены. Я поставила сумку на колени и сижу, молчу. Столько нервов!

Мимоходом отмечаю, что в салоне очень чисто, пахнет кожаными сиденьями. Дымарский молча ведет машину, направляет ее в сторону выезда из города. Кажется, к нему в номер мы пока не едем.

- Больно? - спрашивает он.

- Что больно? - не понимаю я.

- Родинки удалять.

- А, да. Весьма. Обрыдалась.

- Сочувствую, - говорит он. Впрочем, судя по голосу — не очень сочувствует. - Кто эта милая женщина, которую мы бесцеремонно смутили? Я помню из детства, что ее зовут Виолетта Степановна Гловач. Но в то время мне было неинтересно, кем она тебе приходится. И я не заострял внимания.

- Тетя моего отца. Она за мной присматривает. Мы в Москве жили вместе.

- Как будто няня?

- Мне двадцать один, - напоминаю я. - Няня мне давно не нужна.

- А кто тебе нужен? - говорит он с легкой улыбкой. Кажется, я его веселю. Меня это немного злит, я еще не успокоилась от недавней молчаливой истерики в своей комнате.

- Мне нужен глоток свободы. И отрыв.

Дымарский приподнимает левую бровь и бросает на меня

очередной быстрый взгляд, от которого хочется поежиться.

- Понял.

- Она... - продолжаю я. - Раз уж мы начистоту, - пожимаю плечами. - Она одинока. У нее никого нет. Ни мужа, ни детей. Ни хобби, ни цели в жизни, ни мечты. Только я. Я одна. Она за мной присматривает с рождения. Водила меня сначала в детский сад, потом в школу, на кружки. Она хочет перебраться со мной на юг. Купить квартиру недалеко от нашего... с тобой... жилья.

- Ясно, - говорит Владимир.

- Ты не против?

- Мне всё равно, - отвечает он. - Если вы так близки, наверное, только к лучшему, что она будет рядом на новом для тебя месте.

Я молчу, и он молчит. Прикусываю губу от досады. Задница у меня вся в синяках. Щека до сих пор горит от вчерашней пощечины. Под грудью рана, которая в будущем зарубцуется в уродливый шрам. Еще один. У меня уже есть два на боку. Не сильно большие, примерно два сантиметра в длину. Я набираюсь смелости и говорю:

- Ты можешь сделать так, чтобы она не переезжала?

Он бросает на меня внимательный взгляд.

- Пожалуйста. Я не хочу ее больше видеть, - тараторю я. Против воли глаза наполняются слезами, я быстро моргаю, понимая, что рыдать сейчас не стоит.

- Без проблем, - отвечает Владимир. - После свадьбы ты

ее больше не увидишь.

Я улыбаюсь и немного расслабляюсь в удобном кресле. Боже. Вот так просто! Не прятаться, не лгать, не притворяться. Почему-то я уверена, он может сказать ей это в лицо, ни о чем не беспокоясь. И она никогда не влепит ему пощечину.

Фух.

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь. Владимир ловит мой взгляд, затем возвращается глазами к дороге.

- Еще пожелания, Анж? - он точно надо мной посмеивается, но мне пока всё равно.

- Я подумаю. Ты прямо как... джинн из лампы.

Он хмыкает.

- А куда мы едем? - спохватываюсь я.

- В ресторан. Ты ведь голодна. Я, кстати, тоже.

- Столик заказан на шесть.

- Мы найдем в столице свободный столик, не беспокойся.

Ты совсем не ориентируешься в городе, что ли?

- Я давно не была здесь. А пока училась в школе... мы ели и выбирались куда-то, то с отцом и диктатором... то есть Виолеттой Степановной, - быстро поправляюсь. Вот это да! Я ни разу не назвала ее так вслух. Только при Тарасе. - Я же в Москве училась, каникулы проводила на разных курортах с семьей. Мне кажется, - я смотрю в окно, - город очень изменился за последние годы.

- Да, похорошел, - отвечает Владимир. - Когда я сюда переехал, было совсем печально.

- Тебя перевели по работе?

- Да. Из Омска. После вуза туда направили.

- Понятно. - Я продолжаю смотреть в окно. Пятнадцать минут по трассе, и вот уже столица. В детстве я обожала сюда ездить! Огромная статуя на въезде, и вот мы уже на улице Мира, она же самая длинная в городе. Упирается в центр. Вдоль всей Мира посажены декоративно подстриженные деревья. Раньше мне казалось, что они верх совершенства. Столица светлая, чистая, здесь широкие улицы, есть фонтаны, много зелени. С каждым годом она становится только лучше.

Мой же родной городишко лишь продолжает разваливаться. Серый, убогий, будто неумытый и нелюбимый ребенок Республики. С полным отсутствием освещения, заброшенными заводами, поломанными лавочками в единственном парке, изуродованными памятниками героям.

Владимир паркует машину у итальянского ресторана. Отстегивает ремень безопасности, потом тянется на заднее сиденье к своему пальто. Достает из кармана синюю бархатную коробочку и протягивает мне.

- Что это? - спрашиваю, понимая, что это подарок.

- Открой, - говорит он.

Я слушаюсь и вижу внутри сережки. Великолепные. Изысканные и очень женственные. Россыпь бриллиантов сверкает на солнышке. Замираю. Я ничего ему не приготовила. Мне даже в голову не пришло, что следует.

- Спасибо, но... не стоило, - щеки заливает краска.

А потом он произносит слова, от которых у меня вновь сжимается сердечко. Хочется плакать.

- Если не понравятся, так и скажи, я не обижусь. Я не знаю твой вкус, выбрал наобум. Их можно обменять. Выберешь сама.

- Зачем менять? Они красивые.

- Красивых вещей много, но далеко не все они нам нравятся, - говорит он медленно, не сводя с меня внимательных карих глаз. - Это нормально.

Я поджимаю губы.

- Спасибо. Мне они очень нравятся.

- Хорошо, - отвечает он. - Надеюсь, сережки немного поднимут тебе настроение. Идем?

Я киваю и выхожу из машины. Сегодня я буду смелой, потому что устала бояться.

Глава 12

Оказывается, я толком не ела с самой помолвки.

После скандала в свадебном салоне кусок в горло не лез. А сегодня мутило из-за боли от лазера. В общем, заказала я себе греческий салат, лазанью, капучино, а на десерт мильфей с таким количеством ягод, что хотелось по-детски в ладоши хлопать от восторга.

Владимир, впрочем, не отставал. Салат, суп, паста. Чашка американо. Мы с энтузиазмом принялись за еду, периодически подглядывая друг за другом.

Ладно, на самом деле подглядывала только я. Он настойчиво пытался поймать мой взгляд, я же всё время то опускала глаза, то отводила их в сторону.

- Точно не хочешь десерт? - нахожу я очередную безопасную тему в конце позднего обеда, раннего ужина, или что у нас там происходит. Чувствую приятную тяжесть в животе и легкость в мыслях. Весь вечер по губам Дымарского блуждает задумчивая улыбка, и я, минута за минутой... смелею. - Ты посмотри только, что они творят! Не еда, а произведение искусства!

Вот оно! Он снова улыбается. Точно так же, одними губами. Вежливо и располагающе. Либо я совсем не разбираюсь в людях, либо он тоже неплохо проводит время.

- Спасибо, Анжелика, не люблю сладкое.

- Совсем?

- Ну, исключения есть, - слегка приподнимает брови, и мне почему-то становится неловко, будто мы снова о чем-то интимном.

Послезавтра он станет моим мужем. Мы будем жить вместе. Спать вместе... наверное.

Я быстро поправляю очки. Это делать совершенно необязательно, просто я вновь начинаю нервничать.

За обедом мы в основном обсуждали нейтральные темы. Перебросились парой фраз о Москве. Он там тоже бывает по работе или учебе, но не часто.

Владимир буквально атаковал меня вопросами! Я едва успевала отвечать!

Рассказала про свой университет, про конкурс красоты и про Сашу, по которой скучаю. Увлеклась и выложила, как мы с ней смеялись, когда репетировали мой выход и речь. Буквально до слез! Саша виляла задницей, проходя по своей комнате, я хохотала, лежа на диване, закинув ноги на спинку и схватившись за живот. Мы с ней пересмотрели кучу старых американских фильмов, в которых были упомянуты подобные мероприятия.

Владимир не перебивал, не зевал, не смотрел на часы. Кажется, что ему было интересно, и я продолжала рассказывать. Можно было бы, конечно, томно молчать и робеть. Но... я ведь пообещала себе, что буду смелой. Не понравлюсь ему, и что он сделает? Не возьмет меня замуж?

- А ты, Владимир? Почему именно юридический? - спрашиваю, решив, что мы вполне можем теперь поговорить о нем. - Почему ты стал юристом?

Он пожимает плечами. На секунду задумывается, будто ему впервые задают этот вопрос.

- Как-то даже мыслей других не было. Мой отец - прокурор, дядя - Виктор Владимирович, - уточняет для меня, - успешный адвокат.

- Дядю твоего я запомнила хорошо, - киваю я. Дымарский, наконец, берет в плен мой взгляд и улыбается шире.

- Уверен, вы подружитесь. Брат тоже юрист, - продолжает, не разрывая зрительного контакта. - Он занимается землей.

- Значит, у тебя не было выбора?

- Почему? Был. Наверное. Но мне с детства дико нравилась синяя форма, - он склоняет голову набок. Вроде бы шутит, но это очевидно. Форма отца — ужасно скучная, и она уж точно не может идти Владимиру. С его карими глазами, смуглой кожей и вьющимися волосами. Она для него будто простовата. Я не сдерживаюсь и смеюсь. Потом спохватываюсь и прикрываю рот салфеткой. Виолетта Степановна убила бы меня в этот момент взглядом.

- Извини. Но мне кажется, она тебе не идет.

Ни форма, ни фамилия.

Он меня рассматривает, как диковинную игрушку на витрине. Словно я снова на сцене и на меня направлены камеры. Почему-то это не смущает, а, напротив, рождает внутри

приятный трепет.

- Ты знала, что в древности синий цвет использовали для защиты от сил зла? В этом весь смысл, - он делает глоток кофе, и я улавливаю задор в его глазах. Всё же он шутит. Сказки рассказывает, точно Серый Волк.

- Ты в это веришь? - спрашиваю я.

- Верить можно в Деда Мороза или Зубную фею, а я тебе называю факты.

- Вот оно что. Значит, ты защитник. От сил зла, - произношу я, откинувшись на спинку стула. Наши глаза вновь встречаются.

- Не совсем, но тепло. Знаешь, как переводится слово «прокурор» с латыни?

- Управлять, - отвечаю я без запинки. Посмотрите на моего отца, определение придет само собой. И гуглить необязательно. Он управляет городом, своей семьей, мною.

- И заботиться. Это синонимы.

- Ни разу в жизни! - хмыкаю я, откладывая десертную вилку. Я наелась, всё было очень вкусно.

- По крайней мере, так должно быть, - Владимир допивает свой кофе. - Если управлять правильно. Иначе это тирания. Впрочем, зачастую мы видим лишь часть общей картины, поэтому не понимаем мотивы многих поступков. Просим счет?

Я подкладываю пальцы под колени и смотрю на его руки. Красивые, ухоженные. Черные волоски на тыльной стороне,

ровные длинные пальцы. Руки совсем не такие, как у Тараса. У него ладони широкие, на пальцах куча мозолей. Тарас много работает физически. Наверное, не очень хорошо, что я сравниваю этих мужчин.

Чувство вины неприятно кусает. Тарас сейчас в тюрьме, а я тут в ресторане с другим. Ему не следовало со мной связываться. Мне не следует о нем думать, иначе будет только хуже.

Владимир ищет глазами официанта.

Отец должен уже прийти с работы. Вероятно, они как раз успели обсудить мой побег вдоль и поперек.

- А мы можем еще посидеть? - говорю быстро и громко. - Я не хочу домой, - отвожу глаза в сторону.

- Домой мы не собираемся, Анж. По плану отрыв.

- О. Тогда хорошо.

Владимир, наконец, просит счет. А еще просит завернуть нам с собой в пакет бутылку красного французского вина, минералку и два бокала.

- Посчитайте, будто я их разбил, - говорит он официанту. Тот улыбается и кивает, увидев чаевые.

Я смеюсь, когда мы выходим из ресторана и идем к машине.

- Зачем же бокалы покупать? Можно было забежать в супермаркет за пластиковыми стаканчиками!

- Французское вино надо пить из бокалов, - учит он жизни. - А в ближайшем супермаркете, где продают пластиковые

бокалы, сейчас километровая очередь на кассу, - добавляет следующую житейскую мудрость. - И мы не будем тратить на нее первое свидание.

И правда, почти шесть.

- Куда мы едем?

- Увидишь, - говорит он и садится в машину. Я прожила в Республике восемнадцать лет, он — недолго в детстве и последние три года. Но кажется, что ориентируется в разы лучше.

Мы едем на смотровую. Отсюда запускают фейерверк в праздники, в остальные дни гуляют влюбленные парочки. Проезжаем мимо парковки, поднимаемся на гору выше, игнорируем знак «Въезд запрещен». Останавливаемся у небольшой часовни. Кроме нас здесь никого нет. Может, еще слишком рано или же вечер понедельника мало кого вдохновляет на романтические порывы.

Владимир отстегивает ремень безопасности, вручает мне бокал. Из бардачка достает перочинный нож, в который встроен штопор.

Пара минут, и я смотрю на темно-красную жидкость в своем бокале. Себе он налил минералку.

Пара секунд, и мы чокаемся.

Пара вдохов, и... я делаю глоток. Потом еще один.

- Вкусно, - говорю, улыбнувшись.

- Расслабься, - слышу его голос. - Ты весь вечер напряжена.

- У меня были не самые лучшие два дня. Да и всё происходящее, - поднимаю глаза к потолку. Давай, Ликан, нажлуйся будущему мужу на то, что тебе придется выходить за него замуж. - Родственники давят. Я немного устала от постоянного контроля, - допиваю вино.

- Тогда тем более отпусти себя. Всем назло.

Одним глотком он осушает свой бокал. А потом тянется ко мне. Я замираю и закрываю глаза. Он совсем рядом. Всё к тому шло. Я понимаю это.

- Я тебя сейчас поцелую, - говорит он спокойно. Его лицо так близко, что я чувствую аромат его туалетной воды. - Один раз. Надеюсь, тебе понравится. Потому что потом мы это будем делать часто.

Кровь ударяет в лицо. Он так просто и легко об этом говорит! Владимир поднимает мои очки на лоб. Потом наклоняется и действительно целует. Меня. Накрывает мои губы своими и прижимается. Обхватывает мою нижнюю, чуть втягивает ее в себя, и я совершаю ответное движение. Целую его! Господи! Я делаю это.

У его поцелуя приятный вкус. Он меня будоражит.

Едва почувствовав ответ, Владимир начинает действовать активнее. Поцелуй становится глубже, я ощущаю влажное прикосновение языка. Потом еще одно и следом снова. Само собой получается, что я размыкаю губы и наши языки касаются друг друга.

Он меня ласкает. Уверенно, напористо. И я отвечаю, под-

страиваюсь. Я крепко сжимаю бокал, а самой остро хочется схватиться за его плечи. Провести рукой по его затылку, запустить пальцы в короткие кудрявые волосы. И притянуть его к себе! Мне этого всего вдруг хочется. Сейчас. Вино, нервы или поцелуй... - всё вместе сводит с ума. Мое дыхание учащается.

В этот момент я отчетливо представляю себе дальнейшую жизнь. Если он будет обращаться со мной так же. Целовать так же. Если он будет...

Владимир отрывается от меня. Еще раз касается моих губ и отстраняется. Я распахиваю глаза и заглядываю в его карие. Он, конечно, тоже смотрит на меня. Быстро облизывает губы.

А потом говорит слова, от которых становится действительно жарко. Как в бане.

- Жаль, что свадьба только послезавтра, - окидывает меня взглядом.

Я улыбаюсь ему.

- Почему?

- Хочу тебя уже сейчас, - он внимательно смотрит на меня, словно считывает реакцию. - Но, боюсь, Гловач просто облезет, - смешок вырывается из его рта. Дымарский возвращается в свое кресло, поглаживает руль. Медленно, плавно. Я слежу за этим его движением.

Стискиваю колени сильнее, и мне от этого приятно. Почему он сказал, что поцелует меня только один раз?

- Жарко, - объявляю я.

- Подышим воздухом? - предлагает он. И мы выходим из машины.

Глава 13

Здесь, на горе, чуть холоднее, чем в городе, поэтому я обматываюсь шарфом, Владимир надевает пальто. Мы идем к широкому длинному балкону, увитому разноцветными ленточками. Я оставляю телефон в машине. Заметила, что на сотовый упало несколько сообщений, но решила их пока не читать.

- Красивый вид, - говорю я восхищенно, вцепляясь пальцами в перила.

- Сейчас еще огни зажгутся, будет здорово. Это красивое место, - отвечает мой спутник. Он останавливается совсем рядом, но пока не касается меня.

Наверное, он бывал здесь и раньше. С другими девушками. Не представляю, чтобы мужчина, тем более типажа Дымарского, захотел просто полюбоваться видом.

С другими девушками.

Очевидно, что вся сегодняшняя программа рассчитана исключительно на меня. Как он заметил сам, он плохо меня знает. Поэтому выбирает нейтральные варианты. Никакого там картинга или квеста. Ничего, что могло бы чуть больше рассказать о нем.

Ловлю себя на мысли, что он начинает мне нравиться. Я не хочу, чтобы вечер заканчивался.

- Не против? - он достает пачку сигарет и показывает мне.

- Нет, кури, конечно, - я вновь смотрю вдаль на город. Слышу, как он вынимает сигарету, зажигалка чиркает. Улавливаю запах дыма.

- Я тебя пугаю? - спрашивает он.

Пожимаю плечами. Между нами около метра, за нашими спинами лесной массив, впереди обрыв.

- Меня пугают все незнакомые мужчины. Плохо знакомые, - поправляюсь. - Это ведь наше первое свидание.

- Это правильно, - соглашается он. - Уродов всяких много. Но меня ты не бойся, я не собираюсь обижать тебя или что-то в этом роде, - говорит спокойно. Без особой теплоты или нежности, но и без раздражения. Скорее равнодушно.

Словно не целовал меня минуту назад. Возможно, ему не понравилось?

- Приятно слышать, - отвечаю я не без иронии. - Мой отец... я знаю, что он желает мне добра. И раз он считает, что ты мне подходишь... - мои глаза бегают. - В общем, выхода-то всё равно нет.

- Я надеюсь, мы оба к этому союзу отнесемся с умом. Лгать не стану, выбора у тебя нет, в среду ты за меня выйдешь. И дальше мы будем жить вместе. Причем не как соседи, в этом плане я довольно консервативен. Скрывать не стану, я хочу тебя. Но не волнуйся, желания я твои исполнить попытаюсь. Если они будут адекватными, конечно. Надеюсь, ты тоже будешь стараться. Тогда у нас может получиться.

Он, наконец, подходит ближе. Я чувствую аромат его туа-

летней воды, смешанной с сигаретным дымом. Запахи наполняют меня, на мгновение я закрываю глаза.

- Ты считаешь, что я красивая? - оборачиваюсь и смотрю на него. Его глаза сужаются.

- Да, ты красивая, Анжелика. Одна из самых красивых девушек, что я видел. Я тебе уже говорил об этом.

Он произносит так много приятных слов! И целует сладко. Он... может, он никакой не Серый Волк? Может, он просто влюбился в меня. Сразу. Так ведь бывает.

Догадка сжимает грудь.

Раз увидел - и навсегда. Может, его равнодушие напускное? Он непростой человек, и вряд ли легко признается в чувствах, но... Что, если он меня действительно любит?

То, что он меня купил, конечно, плохо. И оправдания ему нет, но... и выхода у меня тоже нет. И... мне бы хотелось, чтобы меня сильно любили. Исполняли желания. Слушали. Вот как сегодня, только всю жизнь. Каждый день.

- Я тебе понравилась с первого взгляда? - спрашиваю, а у самой мурашки бегут по коже. - Красивые вещи не всегда нравятся, - напоминаю его же слова.

- Да, с первого, - без тени улыбки и сомнений. Не лжет.

- Ты ведь меня совсем не знаешь. Я так сильно понравилась тебе на фотографии, - мое сердце начинает разгоняться. Я смотрю в его глаза. Потом на губы, которые только что целовала. Меня это сбивает, и я вновь возвращаюсь к глазам. По пальцам одной руки можно пересчитать людей, с которы-

ми я обсуждала эту тему, мне нелегко. - Так сильно, что ты даже согласен на мой статус?

- Статус? - уточняет он. - Можно подробнее?

- Отец должен был сказать тебе. Я ВИЧ-положительна.

Его глаза вновь сужаются, на лице отражается эмоция. А мое бедное сердце срывается и несется вскачь, бьется об ребра. Руки дрожат, прямо как днем после лазера. Я быстро отворачиваюсь и смотрю на город. Я не была готова к такому разговору. Я думала, папа все уладил. Реальность сносит с ног.

Владимир слышит об этом впервые. Отец ничего не сказал ему.

Цепенею.

Я знала, что, если познакомлюсь с парнем, мне придется об этом ему сказать. Как-то. Если мы расстанемся с Тарасом, и мне понравится кто-то другой. То я буду должна, еще до того, как отношения выйдут на новый уровень.

Знала и боялась этого до смерти.

Молчание - это статья. Да я и не смогла бы обманывать. Я лучше умру, чем подвергну кого-то риску.

- Давно? - слышу его голос за спиной. - Ты на терапии, я надеюсь? - в нем звучит сталь. Мне становится страшно.

- Да. Я... - нервно усмехаюсь. Мне, разумеется, совсем не смешно, я просто не была готова к этому разговору. Я пила вино, мы с ним целовались. Он говорил, что хочет меня. Жалел, что свадьба только послезавтра. Я улыбалась, пото-

му что думала, он в курсе. Боже, меня на части сейчас разорвет! Я отчего-то хочу вернуться в машину, в тот самый момент, когда мы целовались, отложить бокал и запустить руку в его жесткие на вид волосы. - Я на терапии, - оборачиваюсь и встречаюсь с ним глазами. - Последние два года вирусная нагрузка в крови не определяется. То есть я никого не могу заразить. Ни половым путем, ни через иглу, ни через роды. Я... пока принимаю терапию, я абсолютно здорова и безопасна для других. Врач говорит, что я проживу еще пятьдесят лет. Я каждый месяц езжу в больницу.

- Вот и прекрасно, - кивает он.

- Прекрасно?

Мои глаза округляются. Я знала, что однажды скажу об этом парню. Придется. Но никогда не думала, что увижу на его лице... облегчение?!

Глава 14

Я пьяная. Стыдно признаться, но... в хлам!

Как в кино показывают - картинка перед глазами плывет, а если зажмуриться, то карусель крутится. Мир вокруг меня или я вокруг мира.

Связалась с Серым Волком! Он, кстати, рядом сидит. Владимир практически трезвый. С одной стороны, мне неловко, что я по сравнению с ним явно перебрала. С другой — напротив, спокойно. Ведь он полностью контролирует ситуацию и доставит меня домой. Он почти мой муж.

Муж...

В жизни так много не пила. Время близится к полуночи, час назад мы ворвались в ночной клуб. Здесь грохочет модная музыка, вокруг сто-олько людей! Я даже и не знала, что ночью город не спит. Я-то всегда спала. И, как выяснилось, зря.

Владимир сидит совсем близко, наши бедра касаются. Иначе мы не расслышим друг друга. Он снял пиджак и остался в одной водолазке. Его рука покоится на спинке дивана, он будто обнимает меня. Чувствует себя вольготно. А я просто рядышком. Стараюсь особо не пялиться по сторонам.

Мы провели вместе весь вечер. Ждали на смотровой, когда зажгутся огни. Потом я пила вино в машине. На гору потянулись другие машины, я наблюдала за влюбленными па-

рочками.

Когда его мерседес тронулся с места, мне стало тоскливо. Я не хотела домой. Но Владимир вновь меня удивил, и вот мы в самом модном ночном клубе смотрим развлекательную программу и говорим обо всем на свете.

Вернее, он задает вопросы, я отвечаю. Иногда он наклоняется и ведет губами по моему виску. У меня тогда сердце замирает, но он обещал, что поцелует меня лишь единожды. И больше не пытается.

Нам приносят текилу. Две стопки, лайм, соль. Он меня дурачит, конечно. Берет мою руку, насыпает соль между указательным и большим пальцами. Кивает на стопку.

- Давай! - подбадривает.

- Отец меня убьет! - говорю искренне. Стопку, впрочем, над столом поднимаю.

- Пусть только пальцем тронет, - чеканит Владимир, и у меня холодок пробегает вдоль позвоночника. С мыслью, что больше пить не буду никогда в жизни, я слизываю соль и опрокидываю стопку. Быстро заедаю лаймом и неистово машу ладонями, показывая, как горько!

Владимир смеется, наблюдая за мной. Мне кажется, почти искренне. Берет мою руку, вновь насыпает соль между пальцев.

- Не-не, мне хватит! Владимир, мне правда хватит! - возмущаюсь я. - Пожалуйста, я уже на ногах не стою.

- Это я себе, - он бросает на меня острый взгляд и, пока

я замираю, наклоняется. Слизирует языком соль и, словно не замечая, как при этом действует на меня, опрокидывает свою стопку.

Я наблюдаю с открытым ртом, как он жует лайм.

О боже.

Я вообще ни о чем думать не могу в его присутствии. Мне даже кажется, что это лучший день в моей жизни.

После первого сентября в университете, разумеется.

Еще я вижу, как на него смотрят другие женщины. Он одет просто, но дорого. Лаконичный черный цвет, часы известной марки. Он высок и отлично сложен, достаточно молод. Его волнистые волосы привлекают внимание. Он определенно выделяется в хорошем смысле.

Всё это я начинаю замечать сейчас. И мне хочется, чтобы его внимание было приковано только ко мне. Он сказал, что я красивая. Он выбрал меня по фотографии.

Владимир наклоняется и шепчет мне на ухо.

- Как это случилось? Расскажешь мне?

Я округляю глаза, прекрасно понимая, о чем он.

Начинаю немного суетиться и ерзать на диванчике, будто устраиваясь поудобнее.

На самом деле он отреагировал идеально. Даже подозрительно. Попросил, чтобы я перед свадьбой показала ему бумагу с последними анализами, где написано, что вирус в крови не определяется, дабы точно убедиться, что я не заразна.

Это хорошо, это даже в плюс. Значит, он и с другими жен-

щинами был осторожен.

В действительности я, конечно, была готова ко всему — к страху, отвращению, неприятию. Окружающие зачастую мало что знают об этой болезни, поэтому боятся и брезгают. Когда я училась классе в шестом, в нашем городишке нашли ВИЧ у одной женщины. Она сдавала кровь в обычной поликлинике, ей гарантировали анонимность. Но на следующий день об этом знал весь город! Ее вынудили уволиться, а потом наш мэр попросил ее переехать.

Почему я так хорошо знаю эту историю? Она жила в том же подъезде, что и Виолетта Степановна. Мы с бабушкой ходили мыть поручни после этой женщины. Она заболела, и ее за это возненавидели.

Меня осеняет мысль. Может, мои родственники так сильно не хотели оставлять меня наедине с Владимиром именно потому, что я могла проболтаться? Продали красивую куклу. Боялись, что он откажется? Что начнет сбивать цену?

Становится так обидно! До глубины души!

Владимир, заметив, что я смущаюсь, говорит совершенно серьезным тоном:

- Не волнуйся. Я просто хочу знать. Это был какой-то наркоман-музыкант?

Я прыскаю в ладонь, представляя, как встречаюсь с рок-звездой. А потом смеюсь, откинув голову. Звонко и искренне. Боже, мне точно надо меньше пить! Тайный роман с музыкантом. Виолетта Степановна бы... как сказал Дымар-

ский? Облезла!

Пока я смеюсь, он смотрит на мою грудь, на мою шею. Я замечаю это.

- Увы, но нет, - говорю ему на ухо. Потом отстраняюсь. - Авария. Мне тогда семнадцать было. Одиннадцатый класс, октябрь месяц. Мы с папой ехали домой по трассе. Везли какие-то железные палки. Арматура, или что это... я не разбираюсь. Папа тогда переделывал баню. Я плохо помню, что случилось, но машина вылетела в кювет и перевернулась. Я была пристегнута, сработала подушка, но эта железная арматура... - я быстро вытаскиваю заправленную в брюки блузку и задираю ее. Блин, всё равно не видно! Уже не отдавая себя отчета в том, что делаю, я расстегиваю ремень, молнию, чуть спускаю с талии черную ткань и показываю Дымарскому свой пупок, тазовую косточку и белый тонкий шрам. - На спине такой же. Эта железная палка проткнула меня насквозь, - говорю ему с энтузиазмом. - Папа отключился, а когда пришел в себя, сразу вызвал скорую. Зажал рану. Но я потеряла много крови. Мне делали переливание. Я не знаю, как так получилось. Или проверенной крови не хватило, или... инструменты плохо продезинфицировали. Я не понимаю. Но уже в январе на медосмотре анализ показал вирус. И... ну и всё. В двадцать один год я девственница. Да еще и с сюрпризом, - пожимаю плечами. - Но я бы не хотела умереть девственницей, как Виолетта Степановна. О боже, мне больше не наливать! - говорю я, закрывая салфеткой рот.

- Не волнуйся, девственницей ты не умрешь точно, - задумчиво произносит Владимир, рассматривая мой шрам. Потом без спроса касается его большим пальцем, ведет по коже. Его ладонь оказывается на моем животе. Она теплая, большая. Я снова задерживаю дыхание. Мне приятно.

Глава 15

Владимир

Ближе к часу ночи Анжелика, наконец, осваивается в клубе и идет танцевать.

Вообще, осваивается она довольно быстро в любой ситуации, это я уже понял. Поначалу молчит и словно прислушивается. Кого-то она мне напоминает. Какую-то будто зверушку. М-м-м... Зайца, что ли?

Где опасность? Кто-нибудь или что-нибудь угрожает? Сбежать или спрятаться? Замереть и притвориться пустым местом?

Но, едва определив, что бояться нечего, позволяет себе расслабиться и быть очаровательной.

Весь вечер за ней наблюдаю и испытываю смешанные чувства. Либо она действительно настолько скромна и невинна, либо искусно притворяется. И первое и второе, впрочем, вероятно, зная Гловача. Не удивлюсь, если у него своя собственная методика воспитания детей. Один тот факт, что он сбегивает чужому человеку больную дочь на вот таких условиях — прекрасно характеризует этого персонажа.

Она разве что не извинилась за свой «сюрприз».

Что-то у нее должно быть от отца. Во внешности, в повадках, в характере. Она ведь росла под его крышей, она его кровь и плоть. Лживость, подхалимство, жестокость. Ка-

кие-то пороки.

Жалко мне ее. Юная, словно воздушная, а столько всего перенесла. Впрочем, ее слова нужно будет проверить. Не забываем, что фамилия у нее Гловач. И его гены. Которые в будущем смешаются с моими.

К этому, блть, придется привыкнуть. Ладно.

Наблюдаю, как она двигается на танцполе, как украдкой поглядывает на меня. Немного щурится, так как очки оставила на столике. Поднимает вверх руки. Призывно качает бедрами. Усмехаюсь.

Ее, конечно, передержали в девках. Чуть тронешь — вспыхивает. Краснеет, отзывается. Пахнет вкусно. Женственно.

Был бы ее ровесником, давно потерял бы голову. Ее есть от чего потерять, девочка прельщает.

Кстати, парадокс. На примере Анжелики можно было бы вести лекции студентам по этике. Запретный сладкий плод. Соблазнительная, невинно-порочная. Гибкая. Чертовски сексуальная. Куколка на вид, страсть в глазах. Сочная. И при этом отравленная.

Сколько ты готов отдать за секс с ней? Да, вот именно с ней. Прямо сейчас. Наклонить, поиметь. А еще трогать. Трогать. Трогать. Везде. Трахать ее тело, вдыхать ее запах, слушать ее стоны. Кончать в нее. На нее.

Здоровье? Может быть, жизнь?

Делаю глоток минералки.

Надо убедиться, что Анжелика на терапии и действительно не заразна. Потому что от ее отца можно ожидать чего угодно. Он ведь ни слова не сказал мне. Хитрый старый хер.

Анжелика подходит, берет меня за руку и тянет на танцпол. На кураже.

Отрицательно качаю головой.

Она просит. Буквально выпрашивает внимания. Наклоняется, чтобы заглянуть в глаза, я обхватываю ее подбородок и веду пальцем по губам. Она замирает, словно потерявшись. Не понимает, что ей нужно делать. Губы манящие, алые, она их призывно приоткрывает.

Сделай это. Возьми в рот, пососи. Хочешь же.

Мне будет приятно, ты это заметишь.

Но зайчишка пугается, освобождается от захвата и быстро говорит мне на ухо:

- Ты не знаешь, где здесь туалет?

- Я провожу.

Встаю на ноги и веду ее на первый этаж. Она держится за мою руку, так как очки по-прежнему на столике в нашей ВИП-ложе. Останавливаюсь у двери.

- Сама справишься? - приподнимаю бровь.

Анж прищуривается, касается языком нижней губы и заявляет:

- Да.

Отворачивается и скрывается в дамской комнате. Я же прижимаюсь спиной к стене и закрываю глаза. Может, не

везти ее сегодня домой? Оставить у себя. Взять резинку и... но вдруг и правда девственница? Первый раз по пьяни.

С другой стороны, ну и что? Легче перенесет, меньше дрожать будет на регистрации в среду. Больше шансов, что кайфанет в брачную ночь.

Что-то не дает, сбивает с мысли. Совесть? Ну нет. Вот про нее точно забудьте. Мы все способны на проступки. Даже на преступления. Необязательно убийство. Да даже и на убийство тоже, если будем уверены в безнаказанности. Человек достаточно легко договаривается с совестью, если нет внешнего давления.

Не верьте фильмам, где преступники мучаются от угрызений совести. Большинство из них дрыхнут ночами, как невинные ангелы.

Есть ли у меня преступное сознание? Определенно, да. Сто процентов. Но при этом мощнейший самоконтроль. Несмотря на спонтанное желание сделать что-либо, я прекрасно вижу последствия, и торможу себя, если не хочу их наступления.

Поэтому мне мешает не совесть. Скорее интуиция.

Я как раз пытаюсь выстроить логическую цепочку, чтобы понять, почему «нет», когда всё идет к тому, что «да», как моя навязанная невеста выходит из туалета. Смотрит на меня и улыбается.

Глаза блестят, щеки горят. Только короны на голове и не хватает.

Я беру ее за руку и, поймав взгляд, тяну к себе. А потом сразу целую. Она ахает так чувственно, что мне остается буквально вжать ее в себя и навалиться сверху.

Мы в коридоре, народу тут тьма, камера работает. Хозяин клуба боится меня до нервного тика, мы чуть не закрыли это заведение недавно. Он мой должник.

Веду ладонью по ее бедру, задираю ножку повыше. Анж прижата к стене, наш поцелуй становится глубже. И на секунду мы оба теряем контроль. Я пихаю язык в ее рот и сжимаю ее ягодицу, она стонет и совершает весьма недвусмысленное движение бедрами, потеревшись о мой пах. Между ее ног просто пожар! Зайчишка хочет быть оттраханной.

Сочное червивое яблоко. Но ведь можно надкусить аккуратно. И последствий не будет.

Такси останавливается у ее дома в половине четвертого. После двух в клубе начали крутить не музыку, а раздражающий шум, который на трезвую голову слушать невозможно. Я вызвал машину, и мы поехали домой. К ней.

Чем ближе мы были к имению ее отца, тем страннее вела себя Анж. Нервничала. Не бьют же они ее, в конце концов? Моя ладонь покоится на ее колене. Девушка не против.

- А ты завтра приедешь? - спрашивает она, когда наступит время прощаться.

- Завтра у меня дела, - отвечаю. - Прости, Анж.

- Может, заедешь перед мальчишником? Ненадолго.

- Может, и заеду, - киваю.

- Хорошо. Я буду ждать, - улыбается.

И мне вдруг кажется, что у нас может получиться.

У ворот Анжелика бросает на меня долгий взгляд, хмурится, затем проскальзывает во двор. Окна в доме не горят, все спят. Для себя не вижу смысла заходить внутрь и будить достопочтенных людей. Терпеливо жду, пока откроется входная дверь и Анж окажется в безопасности, потом называю водителю адрес гостиницы, где остановился.

- Красивая девушка, - решает обсудить со мной Анж водитель.

- Жена моя, - отсекаю.

- Повезло, - отвечает он коротко. - А почему ночуете отдельно, раз жена?

- Потому что дело не твое.

Я не забываю в такси начатую в клубе бутылку виски, когда выхожу у своего отеля. Выпью еще немного, чтобы унять скопившееся и не получившее разрядки напряжение, и попробую поспать.

Поднимаюсь по лестнице на третий этаж. Отпираю дверь. Но, едва захожу в номер, останавливаюсь как вкопанный, ментально почувствовав запах духов. Почти неуловимый, но адски знакомый. Которого здесь быть не должно ни при каких обстоятельствах. Даже в комнату заходить нет необходимости, уже у порога понимаю, что у меня гостья.

Мне требуется целая секунда, чтобы собраться. Делаю

большой глоток прямо из бутылки и говорю громко:

- Яния, какого хера ты тут делаешь?

Вот о чем трубила интуиция.

Вернее, о ком. Интуиция всегда *о ней*предупреждает.

Глава 16

Яния

Его голос взрывает тишину глубокой ночи. Всё это время я сидела, обхватив колени, в кресле единственной комнаты скромного номера. Я знала, что *онс* другой. В клубе. Добрые люди прислали фотографию.

Также я знала, что завтра он будет весь день и весь вечер с братом и дядей. А потом уедет на юг. Навсегда. И мы больше никогда не увидимся.

Я слышала его приглушенные шаги по ковру коридора. Слышала, как он остановился у двери, отомкнул ее. Как снял пальто. Открутил крышку бутылки и сделал глоток. В этой дешевой гостинице стены картонные. Как и всё в этом городе — ненастоящее.

Фонтан на главной площади, к которому забыли подвести водоснабжение. Выключенные светофоры. Ненастоящая история любви с дочерью Гловача, фальшивая свадьба. Меня тошнит от всей этой ситуации.

Его недовольный тон парализует меня на целое мгновение. Вова выпил и зол. Я ни разу не видела его пьяным в стельку. Интересно, превысил ли он сегодня обычную норму?

Он заходит в комнату, ударяет по выключателю и смотрит на меня.

Я немного щурюсь от яркого света. Я ехала сюда с определенной целью, тысячу раз прокручивала предстоящий разговор в голове. Но одного его взгляда хватает, чтобы сбить меня с толку. Усилием воли я заставляю себя сесть ровно и проговорить:

- Со мной ты был шесть лет и не пил. С ней — меньше месяца. И уже бухаешь.

Он усмехается. Проходит по комнате, снимает пиджак.

- Уматывай отсюда. Тебе не идет унижение.

Мне становится душно и хочется открыть окно. Он уже говорил мне эти слова. Однажды. В день нашего знакомства.

Напряжение возрастает.

- Я никуда не пойду, - говорю с вызовом. Он оборачивается. И я мгновенно сдаю позиции: - Пока мы не поговорим.

- Тогда я тебя за шкуру вышвырну. Что ты мне прикажешь делать в этой ситуации, Яния? Ментов вызывать? Обсудишь с ними незаконное проникновение в номер с целью... пусть будет воровства. Менеджер, что отдал тебе ключ, пойдет сообщником.

Я громко хмыкаю. Он никогда так со мной не поступит. Поднимаюсь на ноги и потягиваюсь, стараясь уловить, поглядывает ли. На мне более чем откровенное платье. Вова облакачивается о стену, скрещивает руки на груди и выжидающе смотрит.

Единственное, чего я хочу, — это подойти и обнять его. Коснуться губами его кожи, вдохнуть родной любимый за-

пах. Мы не виделись три недели. Я... так и не осознала, что это конец.

Он просто пришел и объявил, что всё кончено. И что он женится на другой. Я сперва не придавала этому значения, пожелала удачи. За шесть лет наших отношений мы расставались множество раз. Однажды он уже почти женился, но в последний момент мы случайно встретились... вернее, я пришла в ресторан, где он был с девушкой. А ушел он уже со мной.

- Ты узнал мои духи, - обличаю я его. - Значит, не забыл. И никогда не забудешь, я права? Я пришла сказать, что жду ребенка.

Он смотрит на меня долгих пару секунд. А потом запрокидывает голову и хохочет. Громко, но совсем не весело. У меня всё холодеет внутри.

- Что ж ты позавчера нажралась в «Лимерике» так, что на ногах стоять не могла? - приподнимает брови. - Херовая из тебя мамаша уже на этом этапе.

Мое лицо озаряет довольная улыбка. Конечно, я не беременна. Но он ответил именно так, как я рассчитывала!

- Ага! Я так и знала, ты следил за мной. И контролировал, где я, с кем я, - тыкаю в него пальцем. - Потому что ты сам скучаешь. Переживаешь за меня.

- Не стоит фантазировать. Мне до сих пор по привычке скидывают фотографии с тобой.

- Мне тоже, - говорю я и смотрю на него.

Наш роман был долгим и запретным. Владимир не смог бы на мне жениться из-за моей семьи и моего прошлого. Мы никогда никуда не ходили вдвоем, он ни разу не брал меня с собой, когда ездил на юг к родителям. Мы не фотографировались. Меня словно не существовало вовсе. Но при этом я присутствовала в его жизни всегда. И все обо мне знали. И его родители, и друзья, и даже коллеги. Вокруг него одни лицемеры, а он этого словно не понимает!

Я тяну к нему руки.

Именно ко мне он приезжал вечерами уставший или довольный собой с целью отметить очередной успех или повышение. Я знаю его счастливого, спокойного или, наоборот, злого и взбешенного из-за проблем на работе. И я знаю, что ему нужно, чтобы расслабиться. Только я знаю, какую еду он предпочитает, какие фильмы может пересматривать раз за разом, над какими шутками смеется. А что, напротив, его раздражает. Он может быть веселым, чувственным, добрым и понимающим.

Я знаю его такого, каким его не видел никто. Он для меня самый лучший. И я не могу смириться, что мы больше не вместе. И что он достанется этой рыдающей соплячке в идиотской короне. Она не сумеет о нем позаботиться. Она его... просто не вытянет!

Он скрещивает руки на груди. Сам же страдает! Тоскует по мне, хороший мой, любимый. Такие чувства не стереть, из сердца не вытравить. Мучается, но не признается ведь.

Никогда. Его взгляд режет мою душу на лоскуты.

- Ты принял решение, да? И пересмотреть его нельзя? Что, если я добавлю аргументов? Давай обсудим возможности, Вов, мы как-то же продержались шесть лет. Что-то же можно сделать! Я не верю и отказываюсь смиряться! Ты ведь не просто так снял этот убогий номер в этом конченом городе. В столице был бы соблазн приехать ко мне. Пешком дойти! Так просто. И уже в моих объятиях. Как же ты будешь без моих объятий? Без моей ласки? Ты думаешь, она тебе сможет дать то, что давала я? Ты думаешь... что будешь с ней счастлив? Не отрезай. Давай подумаем. Я готова на разные варианты. Моя работа... я ведь могу переехать. Дизайнер штор пригодится в любом городе. Я буду как тень, как мышка. Никто обо мне не узнает.

- Без изменений, - отрезает он. Холодные глаза, равнодушная усмешка.

Я знаю, что это маска. Он с такими тварями каждый день общается — лживыми, подлыми, ему без нее никак. Раньше он был другим, я помню. Сначала он начал надевать эту маску циничного мудака, когда заходил в здание прокуратуры или облачался в синюю бесстрастную форму, в которой присутствовал на заседаниях суда или на проверках. Потом, кстати довольно быстро, он к ней привык. И стал носить на улице, не снимать, когда отдыхал среди друзей и близких. И даже дома, со мной. Но я знаю, что внутри он не холодный и уж точно не равнодушный.

- Не унижайся. В фойе тебе вызовут такси. Это конец, Яния, - он бросает взгляд на часы. - Завтра я женюсь, тебя в моей жизни больше не будет. Я уже всё сказал тебе, добавить нечего. Мы расходились множество раз. Какой-то из них должен был стать последним. Вот и он.

- Из-за королевы красоты? Разве эта неопытная девушка могла вскружить тебе голову? Чем она тебе так понравилась? - я теряю над собой контроль. Понимаю, что так нельзя, только не при нем, но не могу остановиться. Я чувствую, что это действительно наш последний разговор, и отчаяние, порожденное безграничной тоской по нему, разрывает на части. Мне больно почти физически. - Ты ее успел попробовать? Ты был с ней? И как она? Ужасно? Слаще? Приятнее?

- Яния, дело это не твое. А вот то, что мое терпение на исходе — тебя касается в первую очередь. С тобой мы расстались, и я могу делать всё, что захочу. Тем более со своей невестой. Она мне нравится. Тебе тоже кто-нибудь понравится.

Мой истеричный смех пугает меня саму.

- Нет! Что мне без тебя делать? Я даже не представляю!

- Постараться не упасть на дно, с которого я тебя вытащил, - ставит он меня на место, затыкает рот. - У тебя есть квартира, работа по душе. Друзья. В этом городе никто не знает о твоём прошлом. У тебя новые имя и фамилия. Воспользуйся шансом. Но, если я тебя еще раз увижу рядом с собой, ты об этом пожалеешь. Я не шушу сейчас. Если ты хоть что-

то сделаешь Анжелике, даже просто обозначишь свое существование, то твоя жизнь в Омске покажется тебе сказкой.

Мои губы дрожат, я заламываю руки. Он совсем, совсем меня не щадит.

- Но ведь ты меня любишь. Как же любовь, Вова?

- Я сыт по горло этой любовью! - взрывается он. Разрезает ребром ладони воздух. - В печенках она у меня уже. Я хочу другой жизни.

- Ходить со своей молоденькой девочкой по злачным местам, тискать ее прилюдно?

- Да, тискать прилюдно, - он делает шаг в мою сторону.

- Не стыдиться своей девушки, не париться, что ее кто-то узнает. А гордиться ею. Не переживать, что у нее отключатся тормоза и она вернется к прошлому. Жить во взаимном уважении, планировать будущее и детей. А любовь? Что она мне дала хорошего? Просто секса мне давно недостаточно. А большего ты дать не способна.

Я делаю шаг назад.

- Просто секса... Между нами был просто секс, значит? - мне горько. - Может быть, тогда в последний раз?..

- Последний раз — это фуффло. Я надеюсь, в благодарность за всё, что я для тебя сделал, ты включишь, наконец, мозг. Я устал за день и хочу отдохнуть.

- Так за нее переживаешь? - чтобы не злить его сильнее, я тороплюсь к выходу, но продолжаю говорить. - Каких-то пара дней, и она стала для тебя важнее меня?

- Она почти моя жена. Не подружка, не увлечение, не помутнение. А жена. Это статус. И да, теперь она для меня важнее всего. И ее моральное спокойствие — в том числе. Если ты сомневаешься, на что я способен, спровоцируй. Убедишься.

Я бросаю на него последний взгляд, чтобы запомнить. Просто запомнить его лицо, позу, его взгляд.

Выхожу из номера, автоматический замочек щелкает, показывая, что у меня ничего не получилось.

Я прижимаюсь спиной к двери и... отпускаю себя. Слезы брызгают из глаз, я сползаю на корточки и захожусь в немой истерике. Чем эта девица лучше меня? Тем, что родилась в хорошей семье, а я в маргинальной? Так мы не выбираем родителей!

А потом слышу грохот и звон. Кажется, он разбил стакан об пол!

Я не сдерживаю жалобного жалкого всхлипа. О, милый, что же ты с нами делаешь? Твое упрямство и категоричность. Ты принял очередное решение за нас обоих и понимаешь только покорность.

Я жду еще пять минут, вдруг он позвонит и попросит вернуться. А может, побежит догонять?

Но он не бежит. Не звонит и не пишет. Я поднимаюсь на ноги и спускаюсь в фойе. Через пять минут сажусь в машину. Когда мое такси трогается с места, окна в его номере не горят. Но я отчего-то знаю, что заснуть он в ближайшие часы

вряд ли сможет.

Глава 17

Ли́ка

Проснувшись, я первым делом тянусь к телефону и смотрю на часы. Почти одиннадцать! О боже! Солнце нещадно лупит в просветы между плотными шторами.

Я прячу голову под подушку и закрываю глаза. Я проспала всё на свете! Учитывая, что семья жениха вложилась лишь деньгами, вся организация завтрашнего мероприятия автоматически легла на нас. В восемь мы должны были быть в ресторане, чтобы окончательно утвердить меню. Затем пообщаться с тамадой.

А еще в планах было забрать платье, уточнить насчет цветов, встретить в аэропорту родственников, прилетевших специально на торжество.

В итоге невеста с похмелья кое-как разлепила глаза ближе к обеду. Я вспоминаю, как заявила домой. Поначалу крадась на цыпочках, но диктатор, конечно, услышала и выбежала в коридор. Включила свет, принялась возмущаться. Со второго этажа галопом спустились родители и Костя.

- Посмотрите на нее! Явилась пьяная под утро! Позор-то какой! Нет, вы видите, она на ногах едва стоит!

И тут я взъярилась! Опалила ее взглядом, потом посмотрела на отца, вновь на Виолетту Степановну. И проговорила:

- Если ты, бабушка, или ты, папа, меня еще хоть раз паль-

цем тронете, он^ивас из-под земли достанет, - сделала акцент на слове «он». - Завтра я стану женой Владимира. Но уже сегодня он за меня заступится. Хватит одного моего звонка! - я продемонстрировала им телефон. - Я просто наберу его номер, и он придет! И тогда вы пожалеете!

С этими словами в гробовой тишине я с гордо вздернутым подбородком поднялась по лестнице.

Никто и слова не сказал. Не осмелился.

Зашла в свою комнату и рухнула на кровать. Помню, как мама меня раздевала и укрывала одеялом. Тоже молча.

Боже, какой стыд! Я ж на лестнице оступилась и чуть не рухнула. Благо вовремя схватилась за поручень. Этот момент, к сожалению, несколько смазал впечатление от моей воинственной речи. Всё же текила была лишней.

Ладно, отнесемся ко вчерашнему вечеру как к опыту. Почему нет? Я сказала, что хочу отрыв. И отрыв был! Самый настоящий. Я была не с каким-нибудь гастролирующим музыкантом-наркоманом, а с будущим мужем. Мы познакомились, целовались, учились доверять друг другу.

Я вспоминаю, как Владимир смотрел на меня, как обнимал. Я танцевала, словно в последний раз в жизни!

Распахиваю глаза и улыбаюсь, прокручивая в голове детали вчерашнего вечера. Как он прижал меня к себе, как после горячего поцелуя я зашептала ему на ухо:

- Обещал ведь только один поцелуй. А сам делаешь это снова и снова.

- Начался новый день, Анж. О нем я пока ничего тебе не обещал, - протянул он. У меня аж коленки задрожали от его голоса.

Наше свидание было на грани. Остро, смело. Я привыкла бояться, оглядываться по сторонам, считать секунды. С мужем — этого делать не нужно.

Почувствовав жар внизу живота, я соскакиваю с кровати и, закутавшись в халат, пробегаю в ванную комнату. К счастью, никого по пути не встретив. Видок спросонья так себе! Я едва достаиваю беглым взглядом свое отражение в зеркале и забираюсь под душ.

Намыливаюсь дважды подряд. Всё это время улыбаюсь. Я, конечно, ужасный человек. Предала Тараса. Мне ведь действительно было хорошо вчера. Я была пьяна, раскована и возбуждена. А еще это было грязно и правильно одновременно.

Правильно — потому что почти муж. Грязно — потому что я его не люблю. Я хотела отдаться нелюбимому мужчине.

Я к Владимиру вообще ничего не чувствую. К Тарасу — да, я знаю его с детства и переживаю за его судьбу. Он мой родной человек. За Владимира я не переживаю совсем. У него всё под контролем, смысл беспокоиться? Мне дико понравилось ощущение безопасности и уверенности, которое он излучает.

Если Тарас бледнел и нервничал, когда мы обсуждали моего папу, что и понятно, Владимир ответил - «пусть только

тронут». И это было не бахвальство. Те проблемы, которые нам с Тарасом казались нерешаемыми, Дымарскому кажутся незначительными. Он мной очарован и хочет обо мне заботиться.

Но какая же у него неприятная, режущая слух фамилия!

Увлечшись, я забываю про рану под грудью. Она начинает щипать от мыла, и я быстро выбираюсь из-под душа.

Возвращаюсь в комнату за очками. Едва задумываюсь о том, как сильно хочется пить, как обнаруживаю стакан с водой на столе. А рядом пачку с обезболивающими.

Мама. Я быстро выпиваю таблетку, следом свое лекарство для терапии, и присаживаюсь на кровать. Не напилась. Но мне так стыдно посмотреть родным в глаза, что я пока не решаюсь спуститься вниз.

Беру телефон, там сообщение. От 3646. Надо бы занести Владимира в телефонную книгу.

«Доброе утро, Анж. Как себя чувствуешь?»

Ловлю себя на том, что улыбаюсь.

«Недавно проснулась. Никогда столько не спала! Голова немного болит, в остальном — отлично».

Потом добавляю:

«А как ты?»

«Тоже только из душа. Спасибо за прекрасный вечер. Надо будет повторить».

О божечки!

«И тебе спасибо. Мне было хорошо».

«Я хочу тебя».

Ого!

Я закрываю глаза и проваливаюсь в воспоминания. Он ведь бесцеремонно зажал меня в темном коридоре. Навалился. А я, словно сойдя с ума, потерлась об него, и это было приятно. Мое белье стало влажным, это отвлекало и создавало дискомфорт, который улетучился, едва я прижалась промежностью к Владимиру. Он толкнулся бедрами, продемонстрировав эрекцию.

Я тебя тоже. Хочу. Я хочу тебя, Владимир. Грязно, неправильно. Без любви. Но хочу.

«До завтра дотерпишь?» - пишу ему кокетливо.

«С большим трудом»».

Следом от него приходит:

«Я сейчас заберу машину и поеду по делам. Нужно встретить родителей и разместить их в отеле. К тебе заеду часов в семь. Но, увы, ненадолго».

«Всё в порядке, я понимаю. У нас еще будет время. Буду ждать».

«До связи. Я позвоню».

«Конечно».

Чуть подсушив волосы, переодевшись в джинсы и футболку и надев новые сережки, я, более не способная бороться с жаждой, спускаюсь на первый этаж.

В кухне довольно шумно, я открываю дверь и вижу следующую картину: пять женщин суетятся у плиты и стола, кто-

то режет овощи, кто-то — лепит манты... При моем появлении все замолкают.

- Смотрите, кто явился! Не запылится! - вытирает полотенцем руки Виолетта Степановна. Ей прям хочется, чтобы все смотрели на меня с выражением в глазах: «Какой стыд!»

- Ли́ка, привет! - ко мне кидаются сразу три тетушки по маминой линии. Они живут в Новосибирске, мы встречаемся раз в пятилетку, но часто созваниваемся. Крепко обнимают. Я так рада их видеть, что стараюсь одновременно обнять всех! - Говорят, всю ночь развлекалась с будущим мужем?

- Дело молодое, - пожимает плечами мама и возвращается к плите.

Я не верю своим ушам. Беру стакан, наливаю воду и пью.

- Мне точно нужно с ней ехать, - причитает Виолетта Степановна, обращаясь к маме, - только почувствует свободу, начнется!

- Теть Виолетта, - говорит весело одна из тетушек, - пусть теперь муж за ней присматривает. Вы сделали всё, что могли.

Дальше они вступают в жаркий спор, который я не слушаю, погрузившись в воспоминания.

Весь день мы только и делаем, что сплетничаем о моем будущем муже! О его семье, брате, сестре. Родителях. О сережках, которые он мне подарил.

- Его дядя — Виктор Владимирович — спец по разводам, - учит меня жизни тетушка. - В этом плане я тебе не завидую, Ли́ка. С такой семьей разводиться — самоубийство! И детей

отберут, и без гроша оставят.

- Лика не собирается с ним разводиться! - спорит мама. - Что за мысли вообще! У них замечательная семья. Они хорошие люди, крепко стоят на ногах. Будет жить, как у Христа за пазухой.

- Катя, жизнь штука непредсказуемая. И готовой нужно быть ко всему.

За следующие пару часов нас с ним мирят и разводят раз пятнадцать по разным причинам, но в целом день проходит хорошо. И когда Владимир приезжает, я его встречаю у ворот в замечательном настроении. Он сидит в машине.

- Привет! Может, зайдешь? - спрашиваю я, заглядывая в салон. - Три чудесные женщины мечтают с тобой познакомиться.

- Прости, Анж. Я бы с удовольствием, но день безумный, - он выглядит будто уставшим. - Я жутко опаздываю.

Мимоходом отмечаю, что Владимир в тонком черном свитере и темно-синих джинсах. Пальто вновь лежит на заднем сиденье.

- Понятно.

Я присаживаюсь на переднее сиденье.

Владимир сразу тянется и целует меня в губы. Несколько раз подряд. Не так, как вчера в темном коридоре, когда его язык переплетался с моим и мне казалось, что его вкус и запах заполняют меня до горлышка. Осторожно и целомудренно. Я мягко обнимаю его за шею, показывая, что мне прият-

но.

- Завтра долгий трудный день, - говорит он мне. - Постарайся сегодня как следует отдохнуть и набраться сил. Выспаться. После ЗАГСа и ресторана мы поедem в гостиницу в столице, я уже забронировал номер. А утром улетим. В пятницу мне, увы, нужно обязательно появиться на работе.

- Так сразу? Я думала, мы улетим в субботу.

- Планы поменялись, я уже позвонил твоему отцу. Прости за спешку, сам не ожидал. Но потом у меня два выходных, - обнадеживает он. - Покажу тебе город, сходим куда-нибудь.

- Хорошо, я собираю вещи уже сегодня.

Он извиняется искренне. Я расслабляюсь и набираюсь смелости, чтобы озвучить вопросы, которые меня беспокоят.

- Владимир, у меня к тебе есть две просьбы. Помнишь, ты обещал исполнить желания?

- Конечно, слушаю. Говори, не стесняйся. Кого ты еще не хочешь больше видеть? - он поднимает руку и стреляет из пальца, будто из пистолета.

Я улыбаюсь, это забавно.

- Помнишь, я рассказывала тебе о том, как мне нравилось учиться в Москве? Ты поддерживал. Я бы хотела закончить образование. Мой вуз один из лучших в России. И там моя подруга... я могла бы учиться заочно.

Он задумывается, я продолжаю:

- Мне нужен диплом. И еще один момент. Я бы хотела оставить свою фамилию. У детей будет твоя, тут я согласна

на сто процентов.

Следует пауза. Я уверенно смотрю на него, жду реакции.

- М-м-м, - тянет Владимир, хмурится. - Боюсь, что нет и нет, - отвечает с усмешкой. Но не доброй. Он будто старается смягчить свои слова, но у него не получается. - Прости, но Джинн здесь бессилен, Анжелика, - голос звучит твердо. Я бы даже сказала - резко. Непривычно, я мгновенно чувствую давление и начинаю сопротивляться.

- Почему же?

- Потому что нет. И это не обсуждается. Я не хочу, чтобы моя жена неделями жила в Москве без меня. Семья должна быть вместе.

- Но как-то же живут моряки и летчики, - пожимаю плечами.

- Я женюсь не на моряке и не на летчике, - отрезает он. И я опускаю глаза. Владимир добавляет с улыбкой, но не без раздражения: - А с фамилией-то что не так? Это отец тебя попросил?

- Нет, я сама. Мне нравится моя фамилия. Я к ней привыкла.

- Да? А моя, значит, не нравится?

Я молчу.

- Я предупреждал, что достаточно консервативен. Моя жена будет жить со мной всё время. И носить мою фамилию.

- Поняла.

Повисает пауза.

- Ладно, я пойду. Ты спешишь, - я берусь за ручку двери.

- Не расстраивайся. Ты привыкнешь к фамилии. Про учебу поговорим после свадьбы. В Краснодаре есть прекрасные учебные заведения.

- Мой университет один из лучших технических вузов страны, - повторяю я. - Таких преподавателей больше нигде нет.

- Я учился в Краснодаре и своим образованием доволен.

- Ясно.

Настроение пропадает, причем у нас обоих. Говорить становится не о чем. Через несколько минут его мерседес отъезжает, а я иду домой. Понимая что вырвавшись из-под контроля одного диктатора, попадаю в кабалу к другому.

Глава 18

У Сергея Владимировича, отца Владимира, светлые волосы.

Этот простой факт меня почему-то так поражает, что я постоянно возвращаюсь взглядом к Дымарскому-старшему. Он не блондин, скорее, светло-русый. А вот его жена — моя будущая свекровь — темненькая, с жесткими длинными волосами, убранными в прическу. Красивая женщина, статная. Видно, что не простая. Особенно на контрасте с моей мамой.

Сегодня я, как никогда, ощущаю себя деревенщиной. Наша семья богата, и одежда у нас дорогая, но какая-то будто... не современная. Те же мамины сестры, которых отец презирует и не скрывает своего отношения, выглядят в разы моложе и ярче, чем мама. Хотя по паспорту они старше.

До отъезда в Москву я этого не замечала.

Делаю глоток шампанского и внезапно думаю о том, что хочу другое свадебное платье. Более легкое. Мне душно в жестком корсете. Освободить бы грудь и сделать глубокий вдох-выдох. Фата кажется несуразно длинной, вышивка на ней — излишне причудливой.

Я словно невеста из прошлого века.

И мне стыдно. За себя, свою семью и всю ситуацию в целом.

Стыдно стоять тут посреди зала и слушать поздравления,

кожей ощущать любопытные взгляды гостей. Делегация Дымарских прибыла полчаса назад. Никаких выкупов, разумеется, не планировалось. Всё это уже случилось за закрытыми дверями в кабинете моего отца месяц назад. Но меня тогда в известность не поставили.

Владимир улыбнулся мне. Я попыталась улыбнуться в ответ.

Потом меня обняли свекровь со свекром. Любвеобильный дядя Владимира пытался шутить, но я с трудом понимала смысл его фраз и по привычке вежливо улыбалась.

Они все вели себя так, будто происходящее — не фарс! Я же мечтала об одном — телепортироваться в Москву и пойти на занятия, сесть рядом с Сашей на первую парту и преданно заглядывать в глаза Вайнштейну, запоминая каждое его слово.

Слезы то и дело наворачивались на глаза. Я улыбалась, притворяясь, что рыдаю от счастья, на самом же деле — от бесконечной, иссушающей жалости к себе.

И чем больше все веселились, тем сильнее я их ненавидела. А еще себя. За то, что покоряюсь. Мирюсь с обстоятельствами. Не смею сказать «нет» отцу. Ну почему я такая жалкая?!

К двум часам мы отправляемся в ЗАГС, а я окончательно замыкаюсь в себе. На лице — дежурная маска. Мысленно прокручиваю различные варианты развития событий — как сбегу, выскочив из машины на светофоре. Как скажу в

ЗАГСе «нет». И что потом последует.

Увы, но я совершенно несамостоятельна. Квартира в Москве, в которой мы жили с диктатором, принадлежит отцу. Училась я платно. Ни дня в жизни не работала. Мне страшно разозлить отца. Страх перед ним мне внушался с рождения. «Лика, прекрати, иначе скажу отцу», - фраза, от которой меня трясло с раннего детства и до сих пор.

В ЗАГСе Владимир берет мою руку и шепчет на ухо:

- Ты очаровательна. Не бойся, всё будет хорошо.

Он такой же, как мой отец. Бескомпромиссный, властный подонок. Я смотрю на свою маму и вижу себя через двадцать лет. Не имеющую собственного мнения, не способную зарабатывать на кусок хлеба. Отстоять точку зрения.

Я мягко забираю ладонь и смотрю в пол. Вежливо улыбаюсь.

Когда работник ЗАГСа спрашивает, согласна ли я, я очень хочу ответить «нет», но трусливый заяц внутри заставляет произнести «да».

Владимир подходит ближе, поднимает фату, наклоняется и целует меня. Едва касается губами, но затем сразу отшатывается, потому что между нами будто искра проскакивает. В прямом смысле! Обоих ударяет током.

Полагаю, это из-за дурацкой фаты.

- Не больно? - спрашивает он, но ответить я не успеваю, потому что зал взрывается поздравлениями.

В машине Владимир делает попытку взять меня за руку,

но нас вновь бьет током. Я миготом отдергиваю ладонь, поморщившись.

- Да что ж такое-то! - усмехается Владимир. - Между нами так и искрит.

- Это статическое электричество. Из-за колоссального количества синтетической ткани, что на меня надето, и сухого воздуха. Физика, ничего личного, - отвечаю я, прижимая руки к животу.

- Чтобы это прекратилось, тебя нужно раздеть? - спрашивает он. В голосе ни намека на флирт. Под его взглядом мне неловко, сердце колотится. Сегодня он меня пугает и раздражает. Я понимаю, что все его ухаживания — это туфта! При любом бунте Владимир меня осадит и укажет на место. И бровью не поведет.

Мне хочется к Тарасу. С ним я чувствую себя на равных. Он извиняется, когда не прав. Он меня уважает.

- Либо не трогать. Просто не трогать меня, - требую я.

Это был бы идеальный вариант. Сегодня ночью ты меня поймешь. Что тебе еще нужно?!

- Окей, - соглашается он. Кажется, даже с облегчением.

Мы катаемся по столице, фотографируемся. Потом едем в ресторан. Владимир ведет себя безукоризненно вежливо. Принимает поздравления, слегка улыбается, в своей обычной манере, словно делая одолжение присутствующим, чем начинает меня подбешивать. Окружающие — наши гости, мы должны быть им благодарны за то, что они пришли нас

поддержать.

В какой-то момент, после пары бокалов шампанского, мне удастся немного расслабиться. Мы с Владимиром даже танцуем медленный танец. Он осторожно обнимает меня. Смотрит дружелюбно. Как и обычно, излучает уверенность и спокойствие. Я начинаю себя убеждать, что не всё так плохо.

Вдруг я буду счастлива с ним на юге? Вдруг региональный вуз окажется неплохим?

Привыкну к снисходительному выражению его лица...

А потом, около девяти вечера, я выбираю минутку заглянуть в телефон и нахожу там видеопоздравление от своих бывших одноклассников! Ребята во главе с Сашей записали мне прямо перед лекцией ролик, наговорили кучу приятных слов. Заверили, что скучают.

К счастью, Марты на видео не было.

Я закрываюсь в туалете, смотрю на экран, разглядывая куточек знакомой аудитории, слушаю ставшие родными голоса и злюсь. В какой-то момент меня накрывает так, что начинает потряхивать. Я понимаю, что мне нужно побыть одной, чтобы успокоиться.

Я накидываю пальто и, ругая свое дурацкое длинное платье, выхожу из ресторана. Мне везет, на празднике отец как раз произносит речь, поэтому на крыльце практически никто не курит. Скорее всего, меня вот-вот начнут искать, а я просто хочу немного погрузиться в одиночестве.

Обхожу вокруг здания и вижу метрах в двадцати забро-

шенную зону барбекю. Сейчас выстроили новую, перед центральным входом в ресторан. В старой беседке фонарь не горит, зато есть лавочка. Идеально! Я спешу туда, присаживаюсь и смотрю на экран телефона.

Родные мои. Как же я хочу к вам! Пускаю видео по десятому разу, как слышу знакомый голос. И ушам своим не верю!

- Анжелика? Это ты? Какая удача! - Тарас возникает словно из ниоткуда и спешит ко мне. - Я голову сломал, как тебя вызвать! Попытался официантов подкупить, но они отказывались. И тут белое пятно в темноте.

У меня сердце обрывается.

- Как? Как тебя выпустили?! - ахаю я, соскакивая на ноги.

Он кидается ко мне, хватая за руки. Нас обоих бьет током, но в этот раз физики явно недостаточно, чтобы остановить объятия.

- У меня тоже есть связи, глупая. Твой отец не самый крутой в мире.

- Какие связи? Какие связи против прокурора? - нервничаю я.

Я так сильно рада его видеть! Что на секунду позволяю себе поверить, что у него действительно может быть всё под контролем. Как у Владимира.

- Моя принцесса, - шепчет Тарас и обнимает меня.

А я прижимаюсь к нему. Он мой друг. Человек, который был рядом все эти годы. Не в прямом смысле, конечно, но на

моей стороне. Я просто знала, что у меня есть близкий друг.

- Я так жалею, что мы не убежали в тот раз, - шепчу я.
- Сейчас уже поздно. Но я рада тебя видеть. Хорошо, что тебя выпустили. А теперь уходи. Я вышла всего на минуту проветриться.

- Я пришел за тобой, - он снимает с плеч рюкзак и плюхает его на лавку. - Переодевайся и бежим!

- Я уже замужем, Тарас, - горько усмехаюсь.

Он берет мою руку, стягивает кольцо и, не дав мне возможности пискнуть, швыряет его в кусты.

- Ты с ума сошел! - я толкаю его в грудь.

- Хватит быть такой трусихой, - вспыхивает он и начинает в спешке доставать из рюкзака спортивный костюм, свитер, кроссовки. - Решайся. Уходим сейчас. Машина уже ждет. У тебя самолет завтра, больше тянуть нельзя.

Я мешкаю. Безумие!

- Я люблю тебя, Лика. По-настоящему люблю. А теперь послушай меня внимательно. Твой отец уже старый. И слабый. А это значит, что скоро он потеряет и должность, и власть. Он ничего нам не сделает. Никита Игоревич поможет. У тебя всё будет. Учеба, таблетки... Я всё устрою.

- Никита Игоревич? - Я вспоминаю, как напрягся папа в присутствии дяди Никиты, как начал лгать про мою беременность, и мне становится не по себе. Одно дело — размышлять о возможности попросить у постороннего мужчины помощи, другое — сделать это. На свадьбе дядя Никита,

кстати, присутствует. Что за двуличие? - Но... за какие заслуги? Что ты пообещал этому человеку за то, чтобы он нам так сильно помог?

- Это неважно.

- Это важно! У всего есть цена.

- Есть. И я готов ее заплатить. Тебе ничего не будет. Выбирай, Лика. Побег со мной или жизнь с ним. Выбирай сейчас. Это последний шанс.

Я растерянно смотрю на спортивные штаны и кроссовки. На Тараса. Мои щеки пылают, сердце колотится о ребра. Шампанское кружит голову.

Сделай. Сделай хоть что-то в своей жизни! Хватит кивать, как болванчик!

Я хватаю штаны и натягиваю их.

- Умница, - хвалит Тарас. - Быстрее.

Он помогает расслабить корсет, я надеваю свитер и снимаю платье через ноги. Обуваю кроссовки.

- Бежим! - Тарас тянет за руку.

Я мешкаю секунду, тогда он обнимает и целует меня. Крепко. Наши губы соприкасаются. Я чувствую его вкус и запах, знакомый, родной и ощущаю себя...

Я ощущаю себя предательницей. Неожиданно и остро.

Четыре года отношений, всего одно свидание с другим... этого разве достаточно, чтобы изменить всё? Оказывается, да. Мне мгновенно становится ужасно стыдно! И горько.

Сердце будто стрелой пронзает. До боли. До какой-то

незнакомой прежде агонии.

Я думаю о других губах, вспоминаю другой запах. Руки другого мужчины. Вспоминаю *его* спокойный тон, *его* уверенность. И то, как целовал, как смотрел, как шептал мне на ухо.

Боже, да что я творю! Мой муж сейчас в ресторане. Наверное, ищет меня. Он так сильно меня поддержал, когда я ему призналась. Тарас так до конца и не понял, что это за болезнь такая без симптомов, а Владимир понял сразу. И всё равно женился. Подарил почти лучший... да нет, лучший день в моей жизни! Позволил почувствовать себя уверенной, красивой, желанной.

А Тарас? Я вдруг понимаю, что не хочу с ним бежать в этом дешевом спортивном костюме. От Владимира. Не хочу одолжений подозрительного дяди Никиты. Я хочу за стол к мужу. Потом в гостиницу. Потом на самолет и на юг. К морю. Он обещал, что покажет мне город.

Ощущая себя грязной, глупой и окончательно запутавшейся, я отталкиваю Тараса.

- Ничего не выйдет, прости, - я хватаю свое платье и отчаянно прижимаю к груди. - Я не побегу. Я не такой человек, Тарас. Меня не устраивает рай в шалаше. Это просто не мое.

Тарас выглядит оглушенным.

- Ты себе хоть представляешь, чего мне стоило организовать этот побег? - он хватает меня за плечи. - Поверь мне хоть раз в жизни, - просит, почти умоляет он.

Мое сердце колотится на разрыв. Силы оставляют, я едва

стою на ногах. Тарас обнимает меня, как тряпичную куклу. Притягивает к себе. В следующую секунду мы оба замираем, потому что слышим совсем близко:

- Это... что здесь происходит?!

Глава 19

Костя! Я узнаю голос брата и испытываю колоссальное облегчение.

Две высокие фигуры быстро приближаются к нам. Мужчины бегут. А я молюсь. Пусть это будут Костя и папа. Пусть отец снова отходит меня ремнем, но лишь бы о моей позорной попытке бегства не узнал муж!

Я пытаюсь оттолкнуть Тараса, но тот вцепляется в меня мертвой хваткой.

- Мне про Дымарского такого понарассказывали... - говорит он быстро, напуганно, нервно, съедая окончания. - Чудовище. Психопат. Не улетай с ним. Что бы ни случилось — борись и не улетай! Лика, он такое делает... Я должен тебя спасти.

Я ахаю.

Мои глаза успели привыкнуть к темноте, но не настолько, чтобы я начала различать детали. Через мгновение я узнаю в одном из мужчин брата. Тот останавливается в нескольких метрах. Второй же... продолжает стремительно приближаться.

- А ну отошел от нее! - до боли знакомый голос режет тишину и лишает меня последней надежды. Я закрываю глаза, обмирая.

Владимир.

- Я тебе ее не отдам! - рывкает Тарас и прижимает меня к себе.

- Тарас,пусти! Я его жена, - молю я, пытаюсь сопротивляться, но на меня никто не обращает внимания.

- Чего, мать твою? Не отдашь? - повышает голос Владимир. Кожей ощущаю, как сильно он охреневает.

Не замедляя шага, Владимир будто ветром сносит Тараса в сторону. Хватает его за кофту и отшвыривает от меня подальше.

- Ты, блть, кто ваще такой?! - Владимир резко разводит руками. Поворачивается ко мне, оценивает мой прикид с кроссовок до самой макушки. - Кто это?

Я обнимаю себя. А потом умираю на месте. Несколько раз подряд! Пока смотрю на Владимира. Что ему сказать? Что тут вообще скажешь?

Тарас тем временем вскакивает на ноги и принимает боевую стойку.

Мужчины смотрят друг на друга. Агрессивные, злые. Тарас ниже Владимира на голову, но шире в плечах и словно коренастее. Он всю жизнь работает физически, дерется на улицах.

- Вот оно что, - тянет Владимир. - А я тебя узнал, - он обращается к Тарасу, но взгляд бросает на меня.

- Лика, беги! Спасайся от него! Машина ждет на парковке! - кричит Тарас. - Ты его не знаешь! Ты не представляешь, что он за человек!

И я умираю снова. Нет, это происходит не на самом деле!

- Ненавижу тебя, ублюдок! Я убью тебя! Убью, но ее не отдам! С ней ты ничего не сделаешь! - рычит Тарас и бросается на Владимира. Размахивается.

Тот уворачивается и отталкивает противника. Бьет сам. Мужчины сцепляются.

Я закрываю лицо руками, слышу глухие удары, хруст буд-то костей. Приглушенный вскрик. Падение.

Когда открываю глаза, Тарас лежит на земле, скорчившись. Владимир стоит сверху, наступил на его спину, заломил руку. Через секунду отпускает, но лишь для того, чтобы размахнуться и пнуть в живот. Лежачего! Разве так можно? Тот вскрикивает.

Дымарский просто в бешенстве! Я не могу видеть его лица, но прекрасно считываю язык тела. Он излучает ярость, открытую варварскую агрессию. Мне страшно, я дышать забываю. Вижу, каким он может быть жестоким.

- Значит так, сученыш, - рывкает Владимир. Он изрядно запыхался, отчего голос звучит по-настоящему жутко. - Я понятия не имею, что тебе про меня рассказали. Но надеюсь, этого достаточно, чтобы выводы сделать. Увижу тебя еще раз, не приведи боже, рядом со своей женой, - живым закопаю. Ты меня понял? - Он снова его пинает! Не сдерживаясь. - Ты понял меня?

Наклоняется и слушает ответ.

Что мне делать? Звать на помощь? Кричать? Бежать? В

панике я начинаю оглядываться и натякаюсь глазами на Костю. Мой брат тоже в ярости.

Он плотоядно наблюдает за действиями Владимира. Напряжен, словно готов в любой момент при необходимости присоединиться к избиению.

- Что смотришь, шлюха? - гаркает на меня. - Выросла вторая тетка Верка в семье. И кончишь, судя по всему, так же.

Я делаю шаг назад. Костя подходит ко мне и размахивается.

Мне надо бежать, уворачиваться, но от ужаса я впадаю в ступор и не могу пошевелиться. Зажмуриваюсь в ожидании пощечины.

Но ее не следует. Вместо удара я слышу в полуметре от себя:

- Эй!

Распахиваю глаза и вижу Владимира. Тот стоит совсем рядом. Кажется, поймал Костину руку на лету, задержал. Они близко. Смотрят друг другу в глаза. Будто меряются силой. Тарас постанывает в нескольких метрах.

- Пусти, - дергается Костя, но освободиться у него не получается.

- Ты че. Блть. Творишь? - обманчиво спокойный, до жути тихий голос Владимира пробирает до костей. Судя по всему, Дымарский в шоке от всего того, что происходит. Быть в замешательстве — это явно не его, и последствия непредсказуемы.

- Да пусти ты! Сестру воспитываю! Щас еще отца позову, он добавит.

Владимир толкает Костю в грудь. Один раз, второй. Тому приходится отступить на несколько шагов. Дымарский стоит между нами. Кажется, он просто в бешенстве.

- Да что вы за семья такая?! Вы люди вообще?! Ты еебить собрался?! Ее?! На пару с Гловачем? Вы че... бьете ее?! - он вдруг резко оборачивается ко мне: - Тебя бьют? Это ты за их фамилию собралась воевать со мной?! Из-за отказа бежать собралась?!

Я не знаю, что сказать. Я... лишь отрицательно качаю головой.

- Мало бьем! Судя по поведению, - Костя возвращает внимание к себе и показывает в сторону Тараса.

И я умираю еще раз. Ладони мокрые. Капельки пота ползут между лопаток. Меня колотит от ужаса. Я по-прежнему сжимаю свое несчастное платье, пытаясь за ним спрятаться как за щитом.

- Ты тоже меня послушай внимательно, - говорит Владимир вдруг спокойно. И от его пробирающего до озноба голоса у меня внутри все сжимается. Таким тоном выносят смертельный приговор.

Глаза давно привыкли к темноте, но я все же не вижу лицо Кости четко. Почему-то думаю, ему тоже не по себе.

- Ты больше никогда, - произносит Владимир, - не поднимешь руку на мою жену. Если ты это сделаешь, хоть пальцем

ее тронешь, сдачи дам я. Дам так, что череп и позвоночник тебе собирать в Москве будут. В Лего играл в детстве? - спокойно, твердо, внушительно.

У меня мурашки по телу.

- Она моя сестра, - неуверенно спорит Костя.

- Прекращай бить женщин, - Владимир делает шумный вдох-выдох. - И она в первую очередь сейчас Дымарская, моя жена. Потом уже сестра и всё прочее.

- Жена твоя, значит, — шлюха. Поздравляю!

- С этим я разберусь сам, - его голос вдруг кажется мне усталым. Владимир трет лоб. - Ты меня понял?

Костя показывает ладони, словно сдаваясь. Судя по всему, его веселит ситуация. Он всегда таким был, злорадствовал, когда мне влетало.

- Что делаем дальше, - продолжает Владимир. Шагает в сторону и бросает взгляд на отползающего Тараса.

- Владимир, пожалуйста, - прошу я. - Пожалуйста, - вытираю щеки. Сама не знаю, чего хочу. Чтобы всё прекратилось. Чтобы Тараса перестали бить. Чтобы...

Дымарский мешкает секунду.

- Этого, - наконец, кивает в сторону Тараса, - сейчас увозишь отсюда. Мне по херу куда. Но чтобы его здесь не было. Только скандала мне сегодня не хватало на глазах у родителей. Костя, ты должен помочь мне это замять, иначе последствия будут плохими для обеих семей.

- Конечно. Отца позвать? - спрашивает Костя.

- Пока не надо, - отвечает задумчиво. - Я решу сам. Гловачу скажу то, что посчитаю нужным. Ты не лезь. Надо в первую очередь успокоиться.

Наконец, Владимир поворачивается ко мне. И смотрит. Долго, словно впервые меня видит. Я даже рада, что фонарь над головой сломан. Не готова заглянуть в глаза мужа и увидеть в них всё то, что он думает обо мне и о ситуации в целом.

Я едва дышу, пока Костя поднимает Тараса, закидывает его руку себе на шею и утаскивает на парковку. Тарас идет сам, хоть и согнувшись пополам.

- Жить будет, - «успокаивает» меня Владимир равнодушным тоном.

Я прижимаю руки к груди. Я бы хотела уйти немедленно, но я попросту не знаю куда.

Владимир подходит, я отступаю. Он включает фонарик на телефоне, заглядывает в беседку, берет в руки рюкзак, вытряхивает из него вещи прямо на землю. Рассматривает контейнер с таблетками. Затем с психу швыряет рюкзак в сторону.

- Значит, по-хорошему ты не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.